

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2713-1513

#51 (286), 2025

ЧАСТЬ ||

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 51 (286)

Часть III

Издаётся с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Зуфарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкова)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хайтова Олмахон Сайдовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржакон Абдулжабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Арсланов Т.Д.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ
В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ 6

Балюлина С.П.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ СДЕЛОК
С ЗАЛОЖЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ 10

Большакова К.Д.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА В УСЛОВИЯХ
НЕВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ
ОБВИНИЕМОГО 14

Волокитина А.С.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРСНОЙ МАССЫ 18

Золова Д.В.

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ АЛИМЕНТНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ 21

Константина В.А.

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСТОРЖЕНИЯ
ДОГОВОРОВ 25

Мельников А.Е.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРЫСТНОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ 30

Ушкур К.Д.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕХОДА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВО
СУПРУГОВ 33

Федорова Э.П.

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА
ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ 36

Филиянина Д.А.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 78.1 УК РФ
(«ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ
С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ ИЛИ
В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ...») 39

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Захаров Н.С.

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 42

Ирталиева И.Н.

АНАЛИЗ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ.....46

Колтунова А.В.

РАЗВИТИЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....51

Кузнецов В.А., Крашенинников К.И., Кулеш Н.П.

АНАЛИЗ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ:
ПОЧЕМУ УСТАРЕВАЮТ ГЕНПЛАНЫ?.....56

Мищенко Т.С.

УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК:
ПОВЫШЕНИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ.....63

Муравкина Д.М.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АНТИКРИЗИСНЫЕ ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ В РОССИИ66

Чернышева Ю.Н.

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ, ОРИЕНТИРОВАННОЕ НА РЕЗУЛЬТАТ (БОР) КАК ДРАЙВЕР
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ.....70

Шаврина К.А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В МФЦ:
ОТ «ОДНОГО ОКНА» К «БЕСШОВНОМУ СЕРВИСУ»76

Шишкина А.Ю.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
ПО РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА81

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АРСЛАНОВ Тимур Данилович

курсант, Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва

*Научный руководитель – доцент Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук, преподаватель Зайцев Евгений Олегович*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ КОМПАНИЙ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности гражданско-правового положения частных военных компаний (далее – ЧВК), которые представляют собой распространенные в международной практике структуры, уполномоченные государствами для решения специальных задач. В наши дни ЧВК занимают равноправное положение с регулярными армиями. Опыт показывает их большую эффективность, техническую оснащенность и подготовленность, но в то же время и большую, чем это характерно для военнослужащих регулярных армий, склонность к совершению различных правонарушений – как в рамках уголовного права, так и в рамках права вооруженных конфликтов. В отличие от регулярных вооруженных сил, которые в большинстве государств составляют солдаты срочной службы и лица, не имеющие реального опыта боевых действий, сотрудниками частных военных и охранных компаний зачастую становятся бывшие солдаты и офицеры, принимавшие участие не в одной войне.

Ключевые слова: частная военная компания, гражданско-правовое положение, российское право, зарубежное право.

Гражданско-правовое положение – это закрепленное положение определенного субъекта правоотношений. Следует сказать, что правовой статус ЧВК это юридическое закрепление положения организации в обществе, комплекс прав, юридических обязанностей, гарантий и ответственности, закрепленных правовыми нормами. Частные военные компании играют важную роль в политике, экономике, в военной отрасли и являются инструментом национальных интересов без прямого участия государства.

В настоящее время количество ЧВК составляет несколько сотен при совокупной численности сотрудников более пяти миллионов человек, а их деятельность осуществляется более чем в 110 странах мира.

Только в России в настоящее время функционирует более десятка ЧВК, наиболее известными из которых являются «Вагнер», «Редут»,

«РСБ Групп» и др. Сфера их деятельности в соответствии с уставными документами охватывает такие направления, как сопровождение гуманитарных грузов в горячие точки планеты; подготовка военных специалистов в различных областях; аудит безопасности, техническая защита и вооруженная охрана различных объектов (например, газо- и нефтепроводов); правовое/юридическое обеспечение; непосредственное участие в боевых действиях и многое другое.

За последние десять лет вооруженные силы РФ достаточно часто использовались как для обеспечения общественной безопасности: референдум по присоединению Крыма (2014 г.), так и в различных вооруженных конфликтах: антитеррористическая операция в Сирии (с сентября 2015 г.); миротворческая операция в Нагорном Карабахе (ноябрь 2020 г.); подавление протестов в Казахстане (январь 2022 г.);

специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины (с 24 февраля 2022 г.) [6].

В вооруженных конфликтах в Сирии и Украине, которые продолжаются и в настоящее время, со стороны Российской Федерации принимают участие сотрудники ЧВК.

ЧВК как организации, чья деятельность пересекается с интересами государства, не могут оставаться вне правового поля. Тем не менее до настоящего времени как в России, так и в других странах нет единого мнения относительно статуса сотрудников ЧВК. Правительства различных стран предлагают рассматривать сотрудников ЧВК в качестве комбатантов; гражданских подрядчиков; наемников-преступников.

Первые попытки определения статуса ЧВК и их сотрудников в российском законодательстве были предприняты в 2012 г. разработкой проекта Федерального закона «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» [7]. Однако законопроект не выдержал критики парламентариев.

В 2014 г. вновь была предпринята законотворческая попытка урегулировать деятельность ЧВК. Подготовленный законопроект «О частных военно-охраных компаниях» более подробно регламентировал деятельность ЧВК и определял их статус.

Отличительными чертами законопроекта, касающимися понятия ЧВК, являлись следующие:

- ЧВК определялось через термин «юридическое лицо»;
- ЧВК обязана была получить лицензию на ведение деятельности в Федеральной службе безопасности;
- В сферу деятельность ЧВК входило оказание на договорной основе военных и охранных услуг государству, физическим и юридическим лицам (в том числе иностранным) [5].

Кроме того, в законопроекте определялись разрешенные и запрещенные виды деятельности ЧВК.

Несмотря на достаточно подробную регламентацию деятельности ЧВК, законопроект не был поддержан Государственной думой. По высказыванию С. М. Миронова – лидера думской фракции Справедливой России – За правду» – основанием отказа явилось надуманное противоречие законопроекта ч. 5 ст. 13 Конституции РФ». Отсутствие специального закона не

означает, что деятельность ЧВК находится в правовом вакууме.

Определенной правовой основой, устанавливающей порядок создания и деятельности ЧВК, выступает Федеральный закон «Об обороне», в соответствии со ст. 9 которого запрещается создание и существование не предусмотренных федеральными законами формирований, имеющих военную организацию или вооружение и военную технику, либо формирований, в которых предусматривается прохождение военной службы.

Нормы указанного закона проецируются в ст. 208 УК РФ, устанавливающей ответственность за формирование, руководство или финансирование вооруженного формирования, не предусмотренного законом, а также участие в нем, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации. При этом следует указать, что наличие подобной цели является обязательным для квалификации.

Таким образом, будучи убежденными, что создание ЧВК, подконтрольных государству, не противоречит ч. 5 ст. 13 Конституции РФ, отметим, что в настоящее время деятельность таких ЧВК, как «Вагнер», не только не нарушает действующее российское законодательство, но и способствует укреплению обороноспособности РФ, наряду с вооруженными силами они решают боевые задачи в ходе проведения специальной военной операции. Исходя из вышеизложенного, учитывая, однако, специфику создания и деятельности ЧВК, считаем, что в отечественном законодательстве назрела острая необходимость в принятии специального закона, регулирующего деятельность таких компаний как на территории РФ, так и за ее пределами. В законе необходимо отразить:

- понятие ЧВК, ее цели и задачи, разрешенные и запрещенные виды деятельности, источники финансирования;
- порядок создания, реорганизации и ликвидации ЧВК;
- требования, предъявляемые к сотрудникам ЧВК, и социальные гарантии для них;
- порядок и основания применения специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками ЧВК;
- ответственность за нарушение законодательства и порядок осуществления контроля за деятельностью ЧВК.

У российского законодателя есть пример удачной легализации деятельности граждан в сфере обеспечения безопасности государства,

которым является Закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».

Таким образом, ЧВК являются сложной и противоречивой частью современной геополитики. Они представляют, как новые возможности, так и серьезные риски. Международное общество должно найти эффективные механизмы регулирования деятельности ЧВК, чтобы обеспечить безопасность и права человека, а также создать прозрачный и подотчетный порядок работы в этой области.

В силу правоотношений рассматриваемый статус объединяет в себе комплекс прав и обязанностей, действующий в отношении ЧВК. При этом данный комплекс гарантируется государством и находится под защитой, реализуется всеми государственными органами и органами местного самоуправления.

Одной основной проблемой в гражданско-правовом положении ЧВК является тот факт, что деятельность таких организаций строго не установлена ни на национальном – российском уровне, не на уровне международного права. Законность и легитимность ЧВК в таком случае происходит через анализ их действий на определенной территории в рамках делегированных предоставленных задач [4].

Необходимо указать, что область деятельности частных военных компаний требует четкой правовой регламентации. Для того чтобы установить правовой статус таких организаций, порядок организации, реорганизации, ликвидации, финансирования и деятельности. Также необходимо урегулировать права, обязанности и ответственность такого контингента.

Так же можно отметить, что для участия в ЧВК не нужно обязательно иметь высокую квалификацию, а достаточно иметь элементарные навыки, например навыки владения оружия, которые можно приобрести, отслужив в армии. Благодаря этим навыкам можно работать в охранной деятельности ЧВК.

Как показывает практика, ЧВК обычно не раскрывают своего истинного предназначения, а также согласно официальным документам, они призваны выполнять лишь вспомогательные функции, которые не связаны с ведением боевых действий.

Огромные проблемы вызывает вопрос ответственности государства за деятельность их ЧВК. Согласно всем Женевским конвенциям, любое государство обязано соблюдать и

обеспечивать соблюдение норм международного гуманитарного права (МГП). Опираясь на это положение, можно сделать вывод о том, что, формально, государство может быть привлечено к ответственности за деятельность его частных военных компаний, если оно нарушит нормы международного гуманитарного права. На практике же возникают трудности с признанием ответственности государства за деятельность ЧВК в связи с тем, что государства, как правило, не имеют должного контроля над их операциями, которые осуществляются за пределами территории данных государств [3].

В связи с тем, что за деятельность ЧВК государства не несут ответственность, они часто становятся участниками различного рода скандалов, так как некоторые из них выполняют и «нелегальные» заказы или же просто ведут такую деятельность.

На основе всего выше сказанного можно выделить ряд преимуществ частных военных компаний перед регулярными вооруженными силами:

1. Использование частных военных компаний в военных конфликтах вызывает меньше общественного недовольства, чем использование вооруженных сил, так как найти прямые доказательства причастности государства к деятельности ЧВК очень сложно.

2. Частные военные компании более мобильны, чем регулярная армия они могут представлять собой противовес местным вооруженным силам в государствах со слабыми политическими институциями.

3. Потери со стороны частных военных компаний не указываются в государственных отчетах.

Так же можно выделить и ряд недостатков:

1. Частные военные компании мотивированы прибылью, а не чувством долга перед государством, что может создать множество проблем.

2. Частое использование частных военных компаний государствами может навредить их экономике, так как у ЧВК высокая цена.

3. Частные военные компании достаточно часто выходят из-под контроля и могут навредить невинным людям. Это обуславливается их минимальным контролированием со стороны государств [2].

Таким образом, отсутствие закона о ЧВК в России приводит к правовому вакууму в данной области отношений. Получается, что де-факто такие организации присутствуют в

действительности, а де-юре - норм регулирования по ним нет. Принятие такого закона приведет к определению вопросов: участия в качестве миротворческого контингента по заданию международных организаций; реализация услуг военного консалтинга; пресечение деятельности организаций и группировок террористического, экстремистского толка; обучение личного состава иностранного контингента в стране пребывания; обслуживание боевой техники, постройка объектов военного назначения; защита суверенитета и территориальной неприкосновенности другого государства; и ряд других.

Литература

1. Гражданский кодекс (с изменениями и дополнениями). Доступ из справочно-правовой системы Гарант.
2. Егорова А.К. Вопросы уголовно-правовой оценки деятельности частных военных и охранных компаний в вооруженных конфликтах и зонах повышенной опасности: дис. канд. юрид. наук. М. 2024. С. 154-155.

3. Паршин С.А. Современные тенденции в теории и практике совершенствования оперативного управления вооруженными силами США. М.: Едиториал УРСС, 2024. С. 36.

4. Документ ООН A/63/467-S/2008/636 от 6 октября 2008 г. (Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта) С. 14 // URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montr_eau.pdf.

5. Денисенко В.В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. Монография. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 93.

6. Богданов В.Н. Военная подготовка в зарубежных странах: учебное пособие для вузов / В.Н. Богданов, М.Г. Лешин, С.П. Поляков; под общей редакцией С. П. Полякова. 2-е изд. МоМ.ква : Юрайт, 2024. С. 265-266.

7. Лобанов С.А. Военные преступления: учебное пособие для вузов / С.А. Лобанов. М.: Юрайт, 2024. С. 201-202.

ARSLANOV Timur Danilovich

Cadet, Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Associate Professor at the Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
Candidate of Law Sciences, Lecturer Zaitsev Evgeny Olegovich*

THE CIVIL STATUS OF PRIVATE MILITARY COMPANIES IN RUSSIAN AND FOREIGN LAW

Abstract. This article examines the specifics of the civil status of private military companies (hereinafter referred to as PMCs), which are common international structures authorized by states to carry out specific missions. Today, PMCs occupy an equal status with regular armies. Experience shows that they are highly effective, technically equipped, and trained, but also more prone to committing various offenses—both under criminal law and under the law of armed conflict—than is typical for regular military personnel. Unlike regular armed forces, which in most countries are composed of conscripts and individuals with no actual combat experience, private military and security companies often employ former soldiers and officers who have fought in multiple wars.

Keywords: private military company, civil status, Russian law, foreign law.

БАЛЮЛИНА Светлана Павловна
студентка, Международный юридический институт, Россия, г. Москва

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института,
кандидат юридических наук Барбашова Татьяна Павловна*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ЗА НАРУШЕНИЕ УСЛОВИЙ СДЕЛОК С ЗАЛОЖЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Аннотация. Работа посвящается анализу юридической ответственности сторон залоговых правоотношений, сущности понятия, признаков ответственности и правового регулирования залогового института в Российской Федерации.

Ключевые слова: залог, залоговое правоотношение, юридическая ответственность, залоговое имущество, залогодатель, залогодержатель.

В российской системе права залоговые отношения, впрочем, и иные правоотношения возникают между субъектами права и вследствие неисполнения и ненадлежащего исполнения обязательств наступает юридическая ответственность. Отношения, связанные с залоговым обязательствами, регулируются общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в частности, глава 23, посвящённая обеспечению исполнения обязательств и являющаяся основным источником (законом), определяющий основные понятия, специфику видов залога, права и обязанности залогодателя, залогодержателя [1].

Вместе с тем отдельные положения о залоге закреплены в части ипотечных отношений в Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 № 102 (далее – Закон об ипотеке), а также базисные принципы содержатся в Законе РФ «О залоге» от 29.05.1992 № 2872-1 (утратил силу с 1 июля 2014 г.), имеющее конститутивное значение для нотариусов в рамках регистрации уведомлений о залоге и в иных нормативных правовых актах о налоговых обязательствах и мерах пресечения [2, 3].

В правоприменительной практике широко используется юридическая ответственность и на научном поприще достаточно немало применено подходов к определению данного понятия в силу отсутствия законодательной дефиниции, что в указанной связи является наиболее сложным, разноплановым, многогранным и дискуссионным явлением.

Так, в юридической литературе в трудах ученых, таких как у Т. Б. Базылева, Е. А. Суханова, С. Н. Братусь и других, общепризнанно полагать ответственность как меру государственного принуждения, устанавливаемая в отношении правонарушителя и выражается в неблагоприятных последствиях имущественного характера, так и личного для данного лица [4, с. 40; 5, с. 442; 6, с. 27].

По смыслу основных начал и идей гражданского законодательства, отмечает ученая Л. Ф. Нетешинская, наблюдается характер диспозитивных норм в регулировании договорных положений и является основополагающим для участников сторон при наступлении гражданско-правовой ответственности. Этим объясняется свобода выбора сторон, в котором проявляется необходимость по сужению или расширению ответственности должника, внесению изменения условий ее наступления [7, с. 88]. Судя по данному высказыванию автором на свободное усмотрение сторон, В. А. Бублик сделала акцент на разъяснения Пленума ВС РФ о недопущении подобного соглашения и принятия ничтожным в случае нарушения законодательного запрета согласно п. 2 ст. 400 ГК РФ или противоречия существу правового регулирования обязательственных отношений [8, с. 705; 9].

Из сущности рассматриваемого понятия вытекают следующие юридические признаки, а именно: разновидность мер государственного принуждения; лицо, совершившее неправомерные поступки; и, наконец, юридические последствия наступают в рамках личного

характера (арест, лишение свободы) и имущественного (возмещение убытков, взыскание неустойки).

Следовательно, в русле гражданского права, гражданско-правовая ответственность является основным правовым институтом.

В аспекте изложения сущности терминологического аспекта юридической ответственности надо отметить усилия законодателя по созданию правового механизма мер обеспечительного характера, на что, в данном исследовании обращается внимание на меру обеспечительного характера (способ) (п. 1. ст. 329 ГК РФ) как залог в числе прочих (неустойка, удержание, поручительство и т. д.).

Существо обеспечения исполнения обязательств кроется в характере неисполнения и ненадлежащем исполнении должником обязательств, влекущее за собой возникновение у кредитора притязаний на возмещение убытков. Данный тезис усматривается в норме статьи ГК РФ (п. 2 ст. 396). Однако такой правовой подход влечет в некоторых случаях к невозможности реализовать кредитором указанные притязания, поскольку у должника образуется вероятность отсутствия необходимого имущества. Но ввиду подобных обстоятельств замысел законодателя был направлен на установление дополнительных мер, побуждающих должника к надлежащему исполнению обязательств, предусмотренных гл. 23 ГК РФ.

Согласно п. 1 ст. 335 ГК РФ залоговые обязательства устанавливаются между участниками в лице залогодержателями и залогодателями. Кроме того, залогодержателем в силу закона выступает кредитор, а залогодателем может выступать должник по основному обязательству, например, по ипотечному кредиту и третье лицо, не являющееся участником основного обязательства.

Сущностные признаки залога как гражданско-правовое отношение лежат в основе реализации залогодержателем заложенного имущества и потому возникает возможность получить экономическую выгоду из вырученной суммы.

Таким образом, предметом залога могут быть всякие вещи (движимое, недвижимое имущество, деньги, акции, доли и т. д.) и имущественные права, имеющие способность быть проданными. Так, в ст. 336 ГК РФ законодатель устанавливает запрет на реализацию вещей в качестве залога, которые изъяты из имущественного оборота. Ко всему прочему эти права, связанные с правообладателями и согласно

ст. 446 ГПК РФ существует невозможность заложить имущество, вследствие чего не допускается обращение взыскания кредиторов. Как правило, вещи остаются у залогодателя, хотя по смыслу п. 1 ст. 338 ГК РФ стороны залоговых отношений могут включить в условиях договора оговорку о подлежащем залоге, при котором движимое имущество подлежит передаче залогодержателю.

Из вышеизложенного в части механизма правового регулирования исследуемых отношений основным законом является гражданское законодательство, но на что следует обратить внимание в гл. 23 о залоге имущества, нормы которой могут относиться к ипотеке лишь субсидиарно в смысле п. 4 ст. 334 ГК РФ. Отсюда следует заключить мысль о двойственной природе залога, поскольку сущностные его элементы характеризуются вещно-правовыми и обязательственными. Что характерно, общие положения указанной статьи относят к обязательственному праву, а нормы регулирующие вещные права будут применяться к ипотечным обязательствам только в случаях, не урегулированных нормами Закона об ипотеке.

Возвращаясь к вопросу о юридической ответственности участников залоговых обязательств и исследуя аспект ответственности в рамках Гражданского Кодекса Российской Федерации в понимании совокупности нормативного комплекса мер, направленных на обеспечение исполнения норм права и условий сделок, то в данной связи выявляется две направленности: в позитивном контексте – это социальная ответственность, отражение которой можно наблюдать в неукоснительном соблюдении законов и юридическая ответственность, применяемая в результате нарушении правовых норм.

В соответствии с нормами гражданского права стороны залоговых отношений несут ответственность за нарушения условий договора о залоге. Это отражено в ст. 343, 344 ГК РФ, в содержании которых выявлены юридические последствия для сторон.

Ответственность залогодателя по смыслу указанных статей лежит в сохранении залогового имущества и может понести убытки в результате утраты или повреждения вещи (гибель имущества), напротив ответственность залогодержателя лежит в плоскости обеспечения имущества, находящегося у него и при нарушении такого обязательства возмещает ущерб второй стороне – залогодателю.

Помимо отмеченного у залогодержателя возникает право требования к залогодателю досрочного исполнения обязательств в результате пропущенных платежей по предмету залога и без согласия осуществления продажи заложенного имущества.

В данной связи уместно провести анализ разъяснений нового постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» (далее – ВС РФ) на замену прежних выводов в части залога, принятых Высшим арбитражным судом (Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге») [10, 11].

В п. 53 постановления № 23 ВС РФ излагается тезис о недопущении обращения взыскания на предмет залога в случаях несоразмерности требований, т. е. размер пропущенных платежей незначителен, вследствие чего требования залогодержателя завышены и несоразмерны стоимости имущества. При этом как утверждает ВС РФ о незначительности нарушений и несоразмерности требований, кредиторы должны учитывать сумму неисполненного обязательства, составляющую менее 5% от стоимости заложенного имущества, к тому же период просрочки в части предмета залога будет составлять менее трех месяцев.

Вместе с тем по смыслу п. 54 постановления № 23 ВС РФ подсказывает участникам рыночного взаимодействия применять принцип диспозитивности в контексте расширения категории «незначительности» и указать в правилах договора о незначительном нарушении, где сумма неисполненного обязательства будет составлять, например, менее 10% от стоимости заложенного имущества.

Что касается повреждения и гибели залогового имущества ВС РФ также в своем постановлении (п. 26) № 23 отмечает использование залогодателем разумного срока по восстановлению утраченного имущества, но в случае не воспользовавшись преимуществом такого права, то залогодержатель актуализирует право требования по досрочному исполнению обеспеченного обязательства.

Проблематика в залоговых обязательствах также прослеживается в изменении сроков, об этом в постановлении № 23 (п. 34) ВС РФ затрагивает сложившийся порядок в судебной практике по увеличению сроков обеспеченного залогом обязательства сторонами без принятого согласия залогодателем. В силу этого при

отсутствии оснований для досрочного предъявления основного требования, у кредитора не возникает возможности взыскать предмет залога до истечения увеличенного срока. ВС РФ конкретизирует правило, акцентируя на сроки действия залога и, если он исчисляется так, когда бы залоговое обязательство не было бы изменено. Однако при уменьшении срока залогодержатель (кредитор) вправе потребовать обращения взыскания имущества после истечения срока исполнения обязательства, установленного первоначально.

Резюмируя вышеизложенного следует подчеркнуть основные характеристики ответственности сторон за нарушение условий в договоре залога. Так, у залогодателя в случае находящегося у него имущества, ответственность наступает за сохранность залоговой вещи, поэтому обязанность видится в страховании имущества и в поддержании его в таком состоянии, чтобы не ухудшало его материальные свойства, и, как следствие, залогодержатель воспользуется правом требования по досрочному исполнению и обращению взыскания на подобное имущество. В случае продажи предмета залога без согласия, у залогодержателя возникает право требования убытков или же истребует имущество у вновь приобретённого недобросовестного собственника.

Напротив, ответственность залогодержателя, таким же образом находясь в его распоряжении залога, наступает за утрату или повреждение вещи, возмещая тем самым убытки в соответствии рыночному стоимостному тарифу, случае если не докажет обратное. Между тем неправомерность действий в части нарушений правил пользования и распоряжения имущества повлечёт к досрочному прекращению исполнения обязательств.

Подводя итоги исследования институт юридической ответственности важен и значим в условиях трансформации отдельных экономических сфер в цифровой пласт, выступая мощным и действенным регулятором гражданского общества и в целом государства, поскольку посредством такого эффективного механизма позволяет достичь правовые результаты по надлежащему исполнению обязательств сторонами сделок, основываясь на началах диспозитивных норм, принципах добросовестности, разумности, что послужит стабилизации и устойчивости общественного строя и экономического сектора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2025).
2. Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» от 16.07.1998 ФЗ – № 102 // Собрание законодательства // от 20 июля 1998 г. № 29 ст. 3400.
3. Законе РФ «О залоге» от 29.05.1992 № 2872-1 // СПС Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2025).
4. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск, 1985. 1008 с.
5. Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2014. – 958 с. (гражданская ответственность).
6. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. 216 с.
7. Проблемы ответственности в гражданском праве: учеб. пособие / Л.Ф. Нетишинская. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 88 с.

8. Бублик В.А. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ: общая характеристика, онтологические и гносеологические основания, отдельные виды // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 50. – С. 705-737.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2025).

10. Постановления Пленума ВС РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // СПС Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2025).

11. Постановление Пленума ВАС РФ от 17.02.2011 № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» (утр // СПС Консультант Плюс. – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 2025).

BALYULINA Svetlana Pavlovna

Student, International Law Institute, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil Law and Process
at the International Law Institute, Candidate of Law Sciences Barbashova Tatyana Pavlovna*

RESPONSIBILITY OF THE PARTIES FOR THE VIOLATION OF THE TERMS OF TRANSACTIONS WITH MORTGAGED PROPERTY

Abstract. This paper analyzes the legal liability of parties to pledge relationships, the essence of the concept, characteristics of liability, and legal regulation of pledges in the Russian Federation.

Keywords: pledge, pledge relationship, legal liability, pledged property, pledgor, pledgee.

БОЛЬШАКОВА Кира Денисовна

студентка, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат юридических наук Грачев Сергей Александрович

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА В УСЛОВИЯХ НЕВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ОБВИНИЕМОГО

Аннотация. В статье исследуется проблема реализации права потерпевшего на возмещение имущественного и морального вреда в ситуации прекращения уголовного дела в связи со смертью обвиняемого (пункт 4 части 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Показано, что формально законное прекращение уголовного преследования порождает «процессуальный разрыв»: потерпевший утрачивает гарантии публичного уголовного судопроизводства и вынужден переходить к самостоятельной защите в гражданском процессе, что увеличивает временные и финансовые издержки и снижает фактическую доступность правосудия.

Ключевые слова: потерпевший, возмещение вреда, компенсация морального вреда, прекращение уголовного дела, смерть обвиняемого, пункт 4 часть 1 статья 24 УПК РФ, права потерпевшего.

Фундаментальный принцип уголовного судопроизводства, закрепленный в статье 6 УПК РФ, состоит не только в защите личности от незаконного обвинения, но и в обеспечении прав лиц, потерпевших от преступлений. Ключевым элементом восстановления нарушенного права потерпевшего является возмещение причиненного преступлением вреда – как имущественного, так и морального. Система гарантий прав потерпевшего (ст. 42 УПК РФ, ст. 52 Конституции РФ) даёт сбой, когда уголовное преследование прекращается в связи со смертью обвиняемого, оставляя ключевое право на возмещение вреда без эффективного механизма реализации.

Прекращение уголовного дела по пункту 4 части 1 статьи 24 УПК РФ, в связи со смертью обвиняемого, создает ситуацию столкновения законного и обоснованного решения следственного органа или суда с неудовлетворенным интересом потерпевшего в восстановлении справедливости и компенсации понесенных потерь. Потерпевший, вместо нахождения в процессуальном статусе, обеспеченном силами государства по доказыванию, оказывается в ситуации, когда вынужден самостоятельно искать новые, зачастую малоэффективные пути защиты.

«Обращение потерпевшего с гражданским иском в суд после завершения производства по уголовному делу связано с необходимостью самостоятельного инициирования и впоследствии участия в гражданском процессе, установления гражданских ответчиков (правопреемников), дополнительными временными, финансовыми расходами» указывает О. В. Анунина [3, с. 48].

В уголовном процессе, основанном на принципе публичности, инициатива и основное бремя деятельности по установлению истины лежат на государстве в лице следователя. Потерпевший, безусловно, является активным участником, но движется в рамках процедуры, инициированной и поддерживаемой публичным обвинителем. Смерть обвиняемого и прекращение дела обрывают эту логику. Потерпевший оказывается в положении, где для защиты своего права он должен самостоятельно инициировать новый процесс – гражданский. Психологическая и профессиональная неподготовленность к роли самостоятельной защиты сама по себе становится серьёзным барьером к доступу к правосудию.

В практике нередко можно встретить последствия анализируемого процессуального разрыва. Например, в Апелляционном

приговоре Верховного суда Республики Тыва, указано: «Гражданский иск Министерства обороны РФ... следует оставить без рассмотрения, сохранив право на предъявление иска в порядке гражданского судопроизводства, поскольку иск предъявлен также к лицу, в отношении которого материалы дела выделены в отдельное производство, которое впоследствии было прекращено в связи со смертью». При этом суд разъяснил, что смерть подозреваемого не исключает его гражданскую ответственность в виде обязанности возместить вред, причиненный преступлением... сохраняются материально-правовые (гражданко-правовые) предпосылки для предъявления требований потерпевшего к наследникам умершего... а потому требует установления и привлечения право-преемников, и кроме того приведения подробных расчетов причиненного материального ущерба [2].

Данная судебная позиция представляет собой выражение всей системной проблемы. С одной стороны, она корректна с точки зрения права: суд разделяет уголовно-процессуальные последствия смерти подозреваемого и гражданко-правовые. С другой стороны, это решение действует как механизм, переводящий право потерпевшего из реальной плоскости в потенциально недостижимую.

Несмотря на то, что в рассматриваемом примере, в роли потерпевшего выступает не частное лицо, а мощный государственный институт, обладающий значительными юридическими и административными ресурсами, восстановление нарушенного права для него также превращается в сложную процедуру, требующую самостоятельного розыска наследников и повторного доказывания уже, установленного в уголовном деле ущерба.

Для потерпевшего физического лица требование «установить и привлечь право-преемников» зачастую означает непреодолимый барьер, связанный с необходимостью обращения к нотариусам, в органы ЗАГС, с розыском адресов и несением судебных расходов. Необходимость приведения подробных расчетов обрачивается не только финансовыми затратами на проведение экспертизы, но и психологической необходимостью заново погружаться в травмирующие обстоятельства причинения вреда.

Однако углубленный анализ правоприменительной практики позволяет выявить иной, более совершенный и ориентированный на конечный результат подход, который не просто

констатирует проблему, а предлагает алгоритм её решения в рамках действующего законодательства.

Конституционный суд РФ определил: «ввиду того что наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя (пункт 1 статьи 1175 ГК Российской Федерации), они являются лицами, несущими по закону материальную ответственность за действия умершего подозреваемого, обвиняемого в пределах доставшегося им по наследству имущества, и могут быть привлечены в качестве гражданских ответчиков, пользуясь при этом правами, предусмотренными статьей 54 «Гражданский ответчик» УПК Российской Федерации, а потому на наследственное имущество распространяются правила ареста, предусмотренные частью первой статьи 115 этого же Кодекса» [1].

Это означает, что прекращение уголовного преследования в связи со смертью обвиняемого, будучи формально законным, не может служить оправданием для прекращения усилий государства по восстановлению нарушенного права. Право потерпевшего, как подтверждает Конституционный суд, носит самостоятельный характер и не является производным исключительно от факта осуждения виновного.

Наложение ареста предотвращает главную угрозу – исчезновение объекта взыскания, – и тем самым повышает эффективность последующих действий потерпевшего, будь то в рамках продолжения дела с привлечением наследников в качестве ответчиков или в отдельном гражданском процессе. Таким образом, позиция Конституционного Суда задает ориентир для перехода от модели самостоятельной защиты потерпевшего к модели ответственного сопровождения со стороны государства, где прекращение уголовного преследования не служит финальной точкой по защите его имущественных прав.

Интересный и практически ориентированный взгляд на проблему представлен в работе М. А. Шайнай, которая, анализируя сложившуюся практику, приходит к выводу о том, что, несмотря на формальную простоту и предписанный законом порядок, институт гражданского иска в уголовном процессе зачастую оказывается нефункциональным именно в ключевой момент – при прекращении дела в связи со смертью виновного. По её мнению, действующая судебная практика демонстрирует, что большинство гражданских исков остаются без рассмотрения по существу, перекладывая всё

бремя доказывания и процессуальной активности на самого потерпевшего. «А поскольку лицо, потерпевшее от преступления, итак, понесло негативные последствия в результате совершенного деяния, то повторное обращение в суд в защиту своих прав и интересов с негарантированной перспективой исполнения решения суда приведет к несостоятельности гарантированного Конституцией РФ права каждого на компенсацию причиненного преступлением вреда» [4, с. 83].

Суть предложения автора по решению указанной проблемы заключается в назначении профессионального правового советника, который за счёт средств федерального бюджета взял бы на себя сопровождение потерпевшего: от сбора документов и составления искового заявления до представительства в суде и на стадии исполнительного производства, с последующей возможностью взыскания этих расходов с виновных лиц.

Для полноценного преодоления выявленных проблем и перехода от единичных прогрессивных решений к повсеместной гарантированной практике требуются более комплексные законодательные и организационные меры. Необходимо предложить и другие способы решения, которые в совокупности создадут механизм защиты.

В частности, к таким мерам можно отнести введение императивной процессуальной обязанности следователя при прекращении дела в связи со смертью. В УПК РФ, например, в ст. 213, следует закрепить не право, а обязанность следователя или дознавателя при прекращении дела по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ выполнить конкретный алгоритм действий, направленных на защиту имущественных прав потерпевшего:

1. Немедленно инициировать установление круга наследников умершего (через запросы в нотариальную палату, ФНС, органы ЗАГС).

2. Вынести мотивированное постановление о привлечении установленных наследников в качестве гражданских ответчиков по уголовному делу, если гражданский иск был заявлен (на основании ст. 54 УПК РФ и ст. 1175 ГК РФ);

3. Наложить арест на выявленное наследственное имущество в обеспечение гражданского иска (ст. 115 УПК РФ), чтобы исключить его отчуждение.

Для потерпевшего это означает существенную помощь, так как государство через

следователя снимает с него бремя розыска наследников и обеспечивает будущий иск арестом имущества, что сохраняет реальную возможность взыскания.

Кроме того, следователь обязан передать потерпевшему, при запросе, комплект документов, имеющих значение для рассмотрения дела, так как одного только постановления о прекращении уголовного дела редко бывает достаточно. Этот комплект может включать:

- Копии ключевых материалов дела, доказывающих факт причинения вреда и его размер (акты экспертиз, отчёты об оценке);
- Справку о наложенном аресте на имущество;
- Процессуальные документы, обеспечивающие преемственность и определяющие круг ответственных лиц и другие.

По сути, государство через следователя должно подготовить для потерпевшего готовый доказательственный пакет для подачи в гражданский суд, взяв на себя техническую работу по его формированию.

Однако справедливо замечание, что внедрение новых обязанностей рискует столкнуться с проблемой повышенной нагрузки на следователей. Но решение этой проблемы лежит не в отказе от усиления защиты прав потерпевших, а в системной оптимизации процесса и перераспределении задач. Важно осознавать, что предлагаемые меры – это не создание новой, а рационализация уже существующей работы. Большинство требуемых документов и так формируются в рамках дела. Ключевое изменение – не в их создании, а в их систематизации и целевом оформлении для передачи.

Решение проблемы лежит не в создании новых норм, а в изменении правоприменительной философии и процедурной логики. Требуется закрепить обязанность следователя по обеспечению перехода дела в гражданскую плоскость, внедрить механизмы процессуальной преемственности и изменить критерии оценки эффективности правосудия, поставив реальное восстановление положения потерпевшего в один ряд с установлением виновного.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 25.04.2024 № 887-О // СПС «Консультант Плюс».
2. Апелляционный приговор Верховного суда Республики Тыва от 23.01.2025 № 22-

3/2025(22-1652/2024;) // СПС «Консультант Плюс».

3. Анучина О.В. Право потерпевшего на возмещение вреда в случае смерти подозреваемого (обвиняемого) // Юристъ-Правоведъ, 2022. № 4 (103). С. 47-52.

4. Шаина М.А. Возмещение вреда потерпевшему в случае смерти лица, виновного в совершении преступления и прекращении производства по уголовному делу // Уголовная юстиция, 2021. № 18. С. 82-85.

BOLSHAKOVA Kira Denisovna

Student,

N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Russia, Nizhny Novgorod

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky,
Candidate of Law Sciences Grachev Sergey Alexandrovich*

REALIZATION OF THE VICTIM'S RIGHT TO COMPENSATION FOR HARM IN CONDITIONS OF IMPOSSIBILITY OF CRIMINAL PROSECUTION IN CONNECTION WITH THE DEATH OF THE ACCUSED

Abstract. The article examines the problem of exercising the victim's right to compensation for property and moral damage in a situation of termination of a criminal case in connection with the death of the accused (paragraph 4 of part 1 of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). It is shown that the formal legal termination of criminal prosecution generates a "procedural gap": the victim loses the guarantees of public criminal proceedings and is forced to move to independent defense in civil proceedings, which increases time and financial costs and reduces the actual availability of justice.

Keywords: victim, compensation for harm, compensation for moral damage, termination of the criminal case, death of the accused, paragraph 4 part 1 Article 24 of the Code of Criminal Procedure, the rights of the victim.

ВОЛОКИТИНА Анастасия Сергеевна

студентка, Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Липецк

*Научный руководитель – доцент кафедры гражданского права и процесса
Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Дегоева Олеся Алексеевна*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРСНОЙ МАССЫ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования составления конкурсной массы при процедуре банкротства. Выделяются проблемы, связанные определением роскошности единственного жилища должника и его семьи, пригодное для проживания, а также возможность объединения имущества супругов-должников. В статье подчеркиваются некоторые пробелы в правовом регулировании и отсутствие четко закрепленных в законодательстве уточняющих норм, связанных с формированием конкурсной массы.

Ключевые слова: должник, кредитор, конкурсная масса, единственное жилье, супруги-должники.

Банкротство представляет собой непростой многоуровневый процесс, вследствие которого субъект данной процедуры может удовлетворить требования кредиторов. Данный институт является неотъемлемым элементом рыночной экономики, так как помогает исключать неэффективные предприятия из системы, а гражданам помогает восстанавливать свое финансовое состояние, а также покупательскую способность. Вышеприведенные факты подтверждают высокую важность банкротства не только в нашем государстве, но и в других со схожим типом экономики, так как стабильная экономика внутри государства также способствует успехам и за его пределами. Одним из важнейших элементов банкротства является конкурсное производство. Конкурсное производство вводится после того, как арбитражный суд принял решение о признании должника банкротом [1]. Во время ведения данного производства одной из процедур является формирование конкурсной массы. «Все имущество должника, имеющееся на дату открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу» [2]. Из-за такой обобщенной формулировки могут возникнуть некоторые проблемы, связанные с толкованием и использованием данной нормы. Одной из таких стала проблема определения имущества должника.

В определении сказано, что конкурсной массой становится все имущество должника,

но, несмотря на это банкроту и его семье нужно где-то жить. Согласно Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на жилье, соответственно единственное жилище не может входить в состав конкурсной массы. С другой стороны, в случае, если жилье элитное, и его стоимость при продаже может покрыть значительную часть требований кредиторов, то в таком случае уже возникает ущемление прав кредиторов. Так как в законодательстве не содержится критерии для такой недвижимости, Арбитражный суд выработал судебную практику относительно роскошности жилья. Такими критериями стали большая жилая площадь на каждого члена семьи, повышенная стоимость жилого помещения и прочее [3]. При наличии признаков, свидетельствующих о чрезмерной роскошности жилища должника и его семьи, суд мог предоставить другую жилплощадь, соответствующую санитарным нормам и находящуюся на территории проживания субъекта и его семьи. Так как зачастую банкротами становятся состоятельные граждане и стоимость их единственного жилища при продаже способна удовлетворить значительную часть требований кредиторов, необходимо внести уточнения в законодательство, чтобы сохранить права и законные интересы как должника, так и кредиторов. Как пример можно рассмотреть одно дело из практики арбитражного апелляционного суда [4]. В рамках рассматриваемого дела должник обратился с

заявлением об исключении из конкурсной массы жилой дом и земельный участок, стоимость которых, в случае продажи, составила бы порядка четырнадцати миллионов рублей, в то время как сумма требований кредиторов составляла полтора миллиона рублей. Арбитражный суд просьбу должника удовлетворил, так как, банкрот указал на то, что данное жилище является единственным пригодным для проживания самого гражданина и его семьи. После этого конкурсный управляющий обратился в апелляционную инстанцию и просил суд вынести новое решение по данному вопросу, так как предыдущее, в некоторой степени, ущемляло права кредиторов. В свою очередь апелляционная инстанция оставила решение арбитражного суда без изменений. В своем постановлении он ссылался на статью 446 Гражданского-процессуального кодекса РФ, где указан исчерпывающий перечень имущества должника, которое не может быть включено в конкурсную массу. Подводя итог, можно сделать вывод о том, что данная правовая норма может нарушать права кредиторов и нуждается в дополнении и выделении критериев роскошности жилья. Как например в рассматриваемом случае, должник мог в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, а после этого приобрести другое жилье немного дешевле предыдущего.

Также несмотря на вышеуказанный пример следует рассмотреть и противоположный. Таким является решение Арбитражного Апелляционного суда от 29 октября 2022 года [5]. В данном постановлении суд все же оставил без изменения решение суда первой инстанции и признал единственное пригодное, для проживания семьи должника, жилье частью конкурсной массы, так как стоимость этой квартиры при продаже будет составлять около 200 миллионов рублей. Несмотря на это данная сумма не составляет и 7% от требований кредиторов, которые составляют примерно 2 миллиарда рублей. Арбитражный Апелляционный суд предложил должнику, вместо «роскошного жилья», замещающее жилье, которое соответствует минимальным санитарным требованиям размещения человека. В данном случае несмотря на то, что сумма продажи единственного жилья не покроет и 10% от стоимости требований кредиторов, суд все равно не исключил его из конкурсной массы, тем самым, не ущемив требования кредиторов. Рассмотренные ситуации наглядно показывают отсутствие

четко определенной нормы закона по вопросу определения роскошности жилья. Данная ситуация неблагоприятно сказывается на отдельных случаях процедуры банкротства, так как в одних случаях суд становится на сторону должника, а в других на сторону кредиторов, а это недопустимо.

Помимо вышесказанного существует еще одна проблема формирования конкурсной массы. Она не такая значительна, как рассмотренная выше, но тоже имеет значение. Согласно Гражданскому и Семейному кодексу РФ, нажитое в браке имущество является совместной собственностью супругов, если иное не предусмотрено договором. Соответственно, часть от общего имущества подлежит включению в состав конкурсной массы. Помимо этого, можно предположить, что, если один из супругов проходит процедуру банкротства, то финансовое положение семьи не совсем благополучное, соответственно и у второго могут быть задолженности перед кредиторами. В данном случае имеет смысл объединять имущество должников-супругов, но вместе с тем вести отдельные реестры требований кредиторов. Такой подход поможет более эффективно оценить финансовое положение пары и семьи в целом, также урегулирование данного вопроса позволит проводить процедуру банкротства более точно. Еще стоит отметить, что зачастую в таких ситуациях кредиторы могут совпадать, тем самым упрощая истребования задолженностей.

Рассмотренная проблема имеет большое значение в рамках не только Конкурсного права, но и отраслях Гражданского права. Также этот вопрос очень важен для правильного проведения процедуры банкротства, для сохранения и разумного распределения имущества должника и непосредственно удовлетворения требований кредиторов. Помимо этого, важность правового регулирования данного вопроса влияет на экономику страны, так как рыночная экономика не сможет эффективно существовать и развиваться без платежеспособных граждан и результативных предприятий. Правильное определение конкурсной массы способствует точному удовлетворению требований кредиторов и освобождения должника от задолженностей. Все вышеперечисленные факты подчеркивают значимость правового регулирования и уточнения норм, связанных с процедурами банкротства в целом и

формировании конкурсной массы непосредственно.

Литература

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
2. Дударова Д.А., Якимова Е.С. Единственное жилье при банкротстве должника: представление иммунитета для роскошного жилья // Образование и право. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edinstvennoe-zhilie-pri-bankrotstve-dolzhnika-predostavlenie-immuniteta-dlya-roskoshnogo-zhilya>.
3. Постановление от 26 апреля 2022 г. по делу № А32-19738/2020 Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд.
4. Постановление от 29 октября 2022 г. по делу № А53-12236/2020 Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд.
5. Губина М.А., Хвостунцев А.М. Формирование конкурсной массы гражданина-должника: проблемы правоприменения // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 1 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-konkursnoy-massy-grazhdanina-dolzhnika-problemy-pravoprimeneniya>.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025).

VOLOKITINA Anastasia Sergeevna

Student, Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Lipetsk

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure at the Lipetsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Degoeva Olesya Alekseevna

PROBLEMS OF FORMATION OF COMPETITIVE MASS

Abstract. The article discusses the issues of legal regulation of the preparation of a bankruptcy estate in bankruptcy proceedings. The problems associated with determining the luxury of the debtor's and his family's only habitable dwelling, as well as the possibility of combining the property of the debtor's spouses, are highlighted. The article highlights some gaps in legal regulation and the lack of clarifying rules clearly fixed in legislation related to the formation of the bankruptcy estate.

Keywords: debtor, creditor, bankruptcy estate, sole proprietorship, debtor spouses.

ЗОЛОВА Дарья Валерьевна
магистрантка, Ульяновский государственный университет, Россия, г. Ульяновск

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. Право на получение алиментного содержания на территории Российской Федерации имеют различные категории граждан. Общественные отношения, которые возникают в связи с уплатой алиментов, имеют важное социально-правовое значение и находятся в центре внимания государства. Так, Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) в ч. 1. ст. 38 гарантирует защиту материнства, детства и семьи государством. К сожалению, далеко не редкостью являются ситуации, когда лицо уклоняется от исполнения алиментных обязательств, при этом как имея умысел на уклонение, так и нет. В этом случае законодатель предусмотрел в различных отраслях законодательства наступление различных негативных последствий за неисполнение алиментных обязательств.

Ключевые слова: алиментные обязательства, семейно-правовая ответственность.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена повышенным вниманием законодателя к проблеме неисполнения алиментных обязательств, что, соответственно, и вынуждает его применять различные формы ответственности.

Особенность ответственности родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по содержанию несовершеннолетних детей в том, что она носит межотраслевой, комплексный характер, так как неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств, будучи семейным правонарушением, порождает последствия не только семейно-правовой, но и иной отраслевой принадлежности в виде применения мер гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности.

К должнику применяется более широкий спектр мер ответственности по сравнению с любыми другими семейными правонарушениями [13, с. 46].

Как указывает Г. С. Джумагазиева, семейно-правовая ответственность есть предъявление правонарушителю дополнительных обременений различного вида или лишение его субъективного права [2, с. 119]. Данное толкование можно оценить как более глубокое и точное. Семейно-правовая ответственность назначается с целью вернуть права, отнятые из-за допущенного нарушения. Следовательно, ее применение обеспечивает защиту нарушенных семейных прав.

Таким образом, для того чтобы привлечь лицо к семейно-правовой ответственности,

требуется констатировать его противоправное поведение. Наличие вреда и вина правонарушителя во внимание не берутся. Причинная связь также роли не играет. Хотя при этом следует отметить, что в науке наблюдается и иная точка зрения.

Например, Н. В. Черкашина и А. В. Огнев пишут, что семейно-правовая ответственность за неисполнение алиментных обязательств наступает при виновном действии или бездействии лица [12, с. 4]. Так как важным элементом ответственности является вина, только учитывая этот фактор, можно добиться установления справедливой ответственности для всех ситуаций.

Авторы учебника по семейному праву также указывают, что плательщик алиментов может быть привлечен к ответственности лишь при наличии его вины в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательства. В случае нарушения обязательства вина плательщика алиментов презумируется – отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Так, плательщик алиментов освобождается от ответственности, если докажет, что нарушение алиментного обязательства произошло вследствие болезни, задержки заработной платы и т. п.

В науке отмечаются следующие особенности семейно-правовой ответственности. Во-первых, семейно-правовая ответственность применяется только к участникам семейных правоотношений (в алиментных обязательствах такими участниками являются родители, дети, супруги, бывшие супруги, другие члены

семьи). Во-вторых, семейно-правовая ответственность может быть законной или договорной (законная – п. 2 ст. 115, договорная – п. 1 ст. 115 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)). В-третьих, применение семейно-правовой ответственности в ряде случаев связано с волеизъявлением заинтересованного лица [5, с. 151].

При заключении соглашения об уплате алиментов, стороны вправе закрепить в нем положения, которые будут определять ответственность за просрочку уплаты алиментных платежей. Если в соглашении не определены меры ответственности, то необходимо применять нормы гражданского законодательства (п. 1 ст. 101 СК РФ). Так, в суд обратилась истец с иском о взыскании задолженности по алиментам, неустойки. Истец указал, что ответчик уклоняется от уплаты алиментов на несовершеннолетнего ребенка. Судебный пристав-исполнитель возбудил исполнительное производство на основании предоставленного истцом соглашения об уплате алиментов. Решением мирового судьи, которое было оставлено без изменений апелляционным определением районного суда, было постановлено: взыскать с ответчика в пользу истца неустойку за просрочку уплаты алиментов на несовершеннолетнего. Как следует из нотариального соглашения положения об ответственности лица-плательщика алиментов за просрочку их уплаты не были предусмотрены. Суд, анализируя материалы дела пришёл к выводу, что к регулированию ответственности за несвоевременную уплату алиментных платежей должны применяться нормы гражданского законодательства, а не семейного [7].

Если соглашение не заключалось и алименты выплачиваются на основании решения суда, то при образовании задолженности по вине плательщика алиментов, такое лицо обязуется уплачивать получателю неустойку, размер которой составляет 0,1% за каждый день просрочки (ч. 2 ст. 115 СК РФ). Учитывая материальное и семейное положение плательщика, суд может принять решение об уменьшении размера неустойки, если придет к выводу, что неустойка представляется несоразмерной последствиям нарушения по выплате алиментных платежей.

Получатель алиментов имеет право взыскания с виновного плательщика алиментов всех убытков, которые были причинены просрочкой исполнения обязательств в части, не

покрытой неустойкой. Е. А. Усачева отмечала, что лишь реальный ущерб может подлежать возмещению. К такому ущербу автор относил проценты по договору займа или кредитному договору, который получатель был вынужден заключить из-за неуплаты алиментов [10, с. 115].

Как известно, в наследственную массу не входят права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя, в т. ч. обязанность по уплате алиментов [11, с. 157]. Однако задолженность по уплате алиментных платежей и уплате неустойки, рассчитанной на день смерти наследодателя относится к обязанности, которая в порядке универсального правопреемства переходит к наследнику, который принял наследство. Так, в суд обратился истец с иском о взыскании с ответчика неустойки за несвоевременность уплаты алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка. Истец мотивировал свои требования тем, что решением суда ответчик был лишен родительских прав, с него взысканы алименты в пользу истца на содержание несовершеннолетнего ребенка до наступления совершеннолетия. Судебный пристав на основании данного решения возбудил исполнительное производство. 27.02.2016 г. ответчик умер. Наследниками первой очереди стали несовершеннолетняя дочь ответчика и его мать, которые приняли наследство в установленный законом срок. Истец полагал, что поскольку мать ответчика приняла наследство, то она должна отвечать по обязательствам наследодателя, которые возникли в связи с несвоевременной уплатой им алиментов. Суд удовлетворил исковые требования о взыскании в пользу истца неустойки с матери ответчика. Решение суда апелляционным определением было оставлено без изменений. Суды, разрешая данное дело руководствовались тем, что в порядке универсального правопреемства к наследнику переходит также обязанность по уплате неустойки, которая исчислена на день смерти наследодателя, если будет установлена вина наследодателя, обязанныго уплачивать алименты, в возникновении данной неустойки. Данное денежное обязательство и задолженность по алиментам относятся к обязательствам, которые не связаны с личностью, поэтому обязанность по их исполнению переходит по наследству в порядке универсального правопреемства [6].

Злостное уклонение от уплаты алиментов относится к основаниям для лишения

родительских прав (ст. 69 СК РФ). Лишение родительских прав ведет к наступлению следующих правовых последствий: родители теряют все права, которые основаны на факте родства с ребенком, в т. ч. право на льготы, установленные для граждан, имеющих детей (ч. 1 ст. 71 СК РФ) право наследования (абз. 2 ч. 1 ст. 1117 ГК РФ). Последняя мера носит характер крайней, т. к. применяется лишь в исключительных случаях, когда становится очевидным факт нежелания родителя участвовать в воспитании и развитии своего ребенка. Но вместе с этим следует иметь в виду, что лишение родительских прав фактически не влияет на увеличение уровня благополучия детей.

Родители вправе заключить соглашение о содержании своих несовершеннолетних детей (соглашение об уплате алиментов) (ч. 1 ст. 80 СК РФ) – добровольный способ выполнения алиментной обязанности. Если родители выбирают указанную форму, то и основания ответственности в случае невыполнения должны быть определены именем этим соглашением. Необходимо заметить, что в случае, если одним из родителей является лицо, совершившее уголовное преступление и отбывающее наказание, то условия применения мер ответственности, установленные соглашением, не должны противоречить порядку отбывания наказания. Судебная практика рассмотрения гражданских дел о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей позволяет определить тенденцию – большинство соглашений не содержат формы ответственности родителей в случае невыполнения алиментной обязанности.

Таким образом, мы пришли к следующему выводу: ответственность, которая наступает в случае просрочки уплаты алиментов, зависит от способа их взыскания. Так, в соглашении об уплате алиментов, стороны вправе установить положения, определяющие ответственность за ненадлежащее исполнение алиментных обязательств. Если стороны не включили в соглашение такие положения, то применяются нормы гражданского законодательства об ответственности. Злостное уклонение от уплаты алиментов относится к основаниям для лишения родительских прав.

Литература

1. Абовян Э.П., Юнусова К.В. Виды юридической ответственности родителей (осужденных) в алиментных правоотношениях // Право и государство: теория и практика. 2020. № 7 (187). С. 47.
2. Джумагазиева Г.С. Правовое регулирование защиты прав и интересов сторон в алиментных обязательствах // Legal Concept. 2020. № 4. С. 119.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
4. Кудрявцева Л.В., Текеева А.Р. Алиментные обязательства по содержанию несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение // Социально-политические науки. 2020. № 5. С. 144.
5. Муратова С.А., Костюченко Е.Ю. Современные подходы к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение алиментных обязательств // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 151.
6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019). – Текст: электронный // Верховный Суд РФ. – [сайт]. – URL: <https://www.vsrf.ru/documents/practice/28646/> (дата обращения: 23.10.2024).
7. Определение Московского городского суда от 13.02.2019 № 4г-16432/18 О передаче кассационной жалобы на судебные акты о взыскании задолженности по алиментам для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. – Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1116027#iWexBYThOCXYA0jA> / (дата обращения: 20.10.2024).
8. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. С. 258.
9. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Российская газета. 1996. 27 января; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2023.
10. Усачева Е.А. Ответственность плательщика алиментов за ненадлежащее исполнение алиментного соглашения: проблемы теории и

практики // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 115.

11. Учебное пособие по гражданскому праву (краткий курс). Ульяновск: Издательство «Ульяновского государственного университета», 2014. С. 157.

12. Черкашина Н.В., Огнев А.В. Правовое регулирование алиментных обязательств родителей в отношении нетрудоспособных и

нуждающихся в материальной помощи совершеннолетних детей в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 11 (125). С. 4.

13. Шиловская А.Л. Семейно-правовая ответственность в рамках алиментных обязательств // Современное право. 2017. № 6. С. 46-50.

ZOLOVA Darya Valeryevna

Graduate Student, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

FAMILY AND LEGAL LIABILITY FOR NON-FULFILLMENT OF ALIMONY OBLIGATIONS

Abstract. *Various categories of citizens have the right to receive alimony on the territory of the Russian Federation. The social relations that arise in connection with the payment of alimony are of great social and legal importance and are in the focus of the state's attention. Thus, the Constitution of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitution of the Russian Federation) in Part 1. Article 38 guarantees the protection of motherhood, childhood and family by the state. Unfortunately, it is far from uncommon for a person to evade alimony obligations, while both having the mindset to evade and not. In this case, the legislator provided for the occurrence of various negative consequences in various branches of legislation for non-fulfillment of alimony obligations.*

Keywords: alimony obligations, family legal responsibility.

КОНСТАНТИНОВА Вера Александровна
магистрантка, Московский университет «Синергия», Россия, г. Москва

МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ

Аннотация. В статье представлен всесторонний разбор актуальных материально-правовых и процессуальных проблем, возникающих при прекращении гражданско-правовых договоров. Исследование охватывает вопросы, связанные с содержательным анализом: недостаточной определенностью критерии квалификации нарушения обязательства как «существенного» по смыслу ст. 450 ГК РФ, сложностями в обосновании невозможности достижения цели договора как по объективным, так и по субъективным причинам.

Ключевые слова: договор, прекращение договора, существенный гражданско-правовой договор, процессуальные проблемы, практика, последствия прекращения договора, нарушение договора.

Для эффективного анализа и устранения ключевых вопросов, возникающих при расторжении гражданско-правовых договоров, необходимо обратиться к определению самого договора и основаниям его прекращения. В соответствии с пунктом 1 статьи 420 ГК РФ [1], договор трактуется как соглашение двух и более лиц, направленное на установление, изменение либо прекращение гражданских прав и обязанностей.

Расторжение договоров занимает особое место в системе гражданского права, поскольку от этого института во многом зависит устойчивость гражданского оборота и возможность получения эффективной судебной защиты. В условиях усложнения экономических отношений и увеличения числа конфликтных ситуаций вопросы, связанные с расторжением договоров, приобретают особую значимость. Несмотря на то, что положения о расторжении закреплены в Гражданском кодексе РФ, применение этого права на практике сопровождается существенными материально-правовыми и процессуальными сложностями.

Расторгнуть договор стороны могут путем достижения взаимного согласия (п. 1 ст. 450 ГК РФ), что отражает принцип свободы договора, закрепленный в статьях 1 и 421 ГК РФ. Альтернативой выступает прекращение договора по инициативе одной из сторон через обращение в суд (п. 2 ст. 450 ГК РФ).

К числу основных материально-правовых проблем относится отсутствие четких критерий для квалификации нарушения как «существенного» в рамках статьи 450 ГК РФ, а также трудности при обосновании невозможности

достижения целей соглашения с объективных или субъективных позиций. Кроме того, сложности вызывает применение механизма существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), что становится причиной неопределенности и неоднородности судебной практики.

Вопросы процессуального характера в спорах, связанных с расторжением гражданско-правовых договоров, остаются недостаточно детализированными на нормативном уровне. Проблемы чаще всего затрагивают определение подлежащих доказыванию обстоятельств и установление порядка распределения бремени доказывания среди участников процесса. Кроме того, вызывают дискуссии случаи квалификации требований о прекращении договорных отношений: их рассматривают либо как иски о признании определённого права, либо как требования о понуждении к определённым действиям. Существенное внимание уделяется последствиям расторжения: аспектам возврата исполненного (реституции), а также порядку и условиям взыскания возможных убытков, что зачастую становится основой судебных разногласий и мешает достижению справедливого разрешения дела [4, с. 5].

Среди наиболее сложных вопросов остается неопределенность понятия «существенное нарушение», сформулированного в статье 450 ГК РФ. Отсутствие чёткого подхода приводит к неоднородному толкованию аналогичных ситуаций судами разных инстанций.

К примеру, Арбитражный суд Центрального округа в постановлении от 08.10.2024 № Ф10-3516/2024 по делу № А62-11311/2023 [14] отказался в признании существенного нарушения

условий аренды, сославшись на отсутствие согласованных сроков и порядка проведения ремонта, что фактически свидетельствовало об отсутствии нарушений у арендатора и сохранении намерения им использовать имущество в будущем после проведения указанных работ.

Вместе с тем совершенен иной подход наблюдается в решении Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2025 № Ф05-10957/2025 по делу № А41-86788/2024 [15]. В этом споре длительное неиспользование земельного участка не расценивалось как существенное нарушение, поскольку арендатор за несколько лет выполнил проектные и подготовительные действия, исходя из длительного срока действия аренды, установленного до 2061 года. Суд акцентировал внимание на характере и назначении имущества, а также на объеме фактических мероприятий по исполнению договора, в расчете на общий долгосрочный период действия правоотношений.

Обоснование невозможности достижения цели договора становится предметом дополнительной сложности вследствие необходимости всесторонней оценки как субъективных параметров – таких, как воля и намерения сторон, – так и объективных изменений внешней среды, включая колебания на рынке и действия непредодолимой силы.

Показательным примером применения института существенного изменения обстоятельств является рассмотренное Арбитражным судом Амурской области 20 июня 2022 года дело № А04-3431/2022 [7], в рамках которого поставщик обратился с иском о расторжении договора поставки транспортного средства. В ходе разбирательства суд квалифицировал в качестве существенных таких внешних факторов, как резкое подорожание автомобилей и комплектующих, инициированное производителем, остановка завода-изготовителя на территории Российской Федерации в условиях действующих международных санкций, а также прекращение выпуска модели, являвшейся предметом поставки по договору.

Однако в ряде случаев судебные органы предъявляют излишне строгие требования к доказательствам, что сужает сферу применения этого положения.

Аналогичные сложности проявляются при применении положений статьи 451 ГК РФ, регулирующей последствия существенного изменения обстоятельств. Недостаток унифицированного подхода к оценке рассматриваемых

изменений способствует возникновению коллизий в правоприменении.

В частности, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2024 № Ф05-14013/2024 по делу № А40-205460/2023 [13] отмечено, что исполнитель, ссылаясь на пункт 1 статьи 451 ГК РФ, направил уведомление о расторжении дополнительного соглашения, предусматривающего отсрочку платежей до 2025 года, однако контрагент заявил возражения. Претензии остались без удовлетворения, что вынудило инициировать судебное разбирательство. Судебная инстанция сосредоточила внимание на изменении договорных условий посредством дополнительного соглашения, учитывая его влияние на финансовое положение истца, возникновение дисбаланса интересов и рост издержек обеих сторон. Особо было подчеркнуто, что анализ обстоятельств заключения и исполнения дополнительных соглашений требует тщательного и комплексного подхода, так как именно эти изменения спровоцировали затяжной конфликт и существенные экономические издержки для участников. В результате было принято неоднозначное решение, указавшее на необходимость более глубокого исследования обстоятельств, связанных с трансформацией условий договорных отношений, что, в свою очередь, повлияло на длительность рассмотрения спора и увеличило финансовые потери сторон.

В области процессуального регулирования одной из ключевых трудностей выступает неустойчивость критериев определения предмета доказывания по спорам о расторжении договорных обязательств. Отсутствие единого подхода приводит к тому, что участники процесса по-разному интерпретируют, какие именно обстоятельства следует подтверждать для обоснования своей позиции.

Это сказывается на исходе судебных разбирательств: например, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.12.2022 № 30-КГ22-17-К5 [6] суд первой инстанции установил важное обстоятельство, основываясь на множестве письменных доказательств, однако апелляционная инстанция приняла лишь одно из них, представленное стороной ответчика, сочтя остальные избыточными.

Напротив, постановлением Арбитражного суда Московского округа от 18.10.2023 № А40-20559/2023 [11] суды отклонили требования истца ввиду недостаточной убедительности

представленных документов: договор, подписанные акт и счёт оказались недостаточными для подтверждения факта оказания услуг.

Не меньшие сложности возникают и в вопросах распределения обязанности доказывания между сторонами. Так, в деле № А40-123987/2022 [8] Арбитражный Суд РФ подчеркнул, что отсутствие последовательной и устоявшейся практики приводит к возникновению различий в определении того, кто из участников процесса должен подтверждать или, напротив, опровергать факт существенного нарушения условий соглашения или иные обстоятельства, существенные для разрешения спора.

Ошибочная квалификация исковых требований, связанных с расторжением договоров, нередко встречается в судебной практике. Ярким примером служит дело № А40-51724/2024 [10], в котором суды первой, апелляционной и кассационной инстанций допустили неверное определение предмета разбирательства. Это привело к ограничению возможностей представления и оценки доказательственной базы, а также негативно отразилось на процессуальных правах ответчика – индивидуального предпринимателя. В рассматриваемой ситуации индивидуальный предприниматель и ООО «ФЭНХАО» в ноябре 2023 года заключили договор коммерческой концессии. В соответствии с обязательствами предприниматель перечислил контрагенту авансовый взнос в размере 800 тысяч рублей. Однако предусмотренный договором комплекс прав – в том числе на использование товарного знака, коммерческого обозначения, технологической информации и проведение обучения сотрудников – предоставлен не был. С иском о расторжении и возврате 800 тысяч рублей как суммы неосновательного обогащения индивидуальный предприниматель обратился в суд. Однако три судебные инстанции отказали в удовлетворении требований, ссылаясь на якобы исполнение условий договора со стороны общества. Предприниматель обжаловал эти решения, указав в кассационной жалобе в Верховный Суд РФ на существенное нарушение условий соглашения обществом, которое не выполнило обязанностей по передаче исключительных прав и проведению необходимых обучающих мероприятий.

Верховный Суд России признал выводы нижестоящих судов необоснованными, отменил их решения и поручил повторно рассмотреть дело суду первой инстанции. В определении от

12 августа 2025 года № 305-ЭС25-3551 подчёркнуто, что выводы судов относительно факта исполнения ответчиком своих обязательств, в частности передачи документации, связанной с ноу-хай, не соответствовали фактическим обстоятельствам спора.

Проблемы, связанные с взысканием убытков, характеризуются значительной непоследовательностью подходов. Так, в постановлении 13-го арбитражного апелляционного суда от 13.03.2024 по делу № А56-101875/2018 был применён принцип взаимного возврата имущества и эквивалентной компенсации его стоимости [12].

Вместе с тем рассмотрение аналогичных обстоятельств по делу № А56-789123/2023 ограничилось исключительно взысканием убытков без решения вопроса о реституции. Подобные различия подтверждают отсутствие устоявшихся правил и отрицательно влияют на предсказуемость судебной практики [3, с. 93].

Анализ материалов исследования выявил наличие комплексных проблем, мешающих результативному использованию положений материального и процессуального права при рассмотрении вопросов расторжения договоров. Среди наиболее острых проблем выделяется отсутствие четких ориентиров для квалификации существенного нарушения, что обуславливает потребность в более определённой законодательной формулировке и, как следствие, снижении степени усмоктования суда при вынесении решений. Это подтверждается как доктриной, так и судебной практикой Верховного Суда РФ, где неоднократно отмечалась сложность правовой дифференциации между существенными и несущественными нарушениями договорных условий.

Трудности, связанные с доказыванием невозможности достичь поставленной договором цели, становятся особенно заметными на стыке нормативных предписаний и реальных многоаспектных отношений между сторонами. Для гармоничного учёта как субъективных, так и объективных элементов, возникает потребность в унификации подходов к оценке и формированию доказательственной базы. Применительно к институту изменения существенных обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) актуальной становится задача законодательного уточнения процедур и механизмов оценки изменений, что обеспечит снижение трансакционных издержек и упростит процесс разрешения сложных ситуаций.

Исследование выявило ряд процессуальных затруднений, связанных с неэффективной взаимосвязью между нормами материального права и их процессуальным обеспечением. Существенной проблемой остается разночтение при определении предмета доказывания и распределения процессуального бремени, что рождает неопределенность в правовой оценке и увеличивает риски участников договора при судебном разбирательстве [5, с. 465].

Особое значение приобретают трудности, связанные с определением последствий расторжения, в частности процедур взыскания убытков. Отсутствие детализированных стандартов и методических рекомендаций затрудняет правоприменение, снижает предсказуемость решений и вынуждает стороны тратить больше ресурсов на урегулирование споров.

Комплексно обозначенные вопросы акцентируют потребность не только в корректировке законодательной базы, но и в развитии теоретических подходов к анализу практики, обеспечивающих выработку единых стандартов, разумный баланс интересов и укрепление предсказуемости гражданско-правовых отношений при расторжении договорных обязательств.

В процессе исследования удалось выявить и классифицировать основные проблемы, сопровождающие расторжение гражданско-правовых договоров как с точки зрения материального, так и процессуального регулирования.

Существенными материально-правовыми барьерами выступили размытость критериев для определения «существенного» нарушения условий соглашения, сложность обоснования невозможности реализации целей договора в ситуации взаимодействия субъективных и объективных обстоятельств, а также неопределенность применения механизма существенного изменения условий исполнения.

В процессуальной плоскости были отмечены затруднения при установлении объема и содержания доказательственной базы по спорам о расторжении, вопросы о корректном распределении доказательственного бремени между сторонами, а также сложности квалификации исковых заявлений, что усугубляет неопределенность судебных разбирательств и снижает качество судебной защиты.

Для преодоления указанных недостатков потребуется интеграция различных инструментов – совершенствование законодательства, дальнейшее формирование

единобразной судебной практики и активизация научного анализа, что позволит повысить надежность и предсказуемость гражданско-правовых отношений при расторжении договоров.

Литература

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
- Давидова Л.В. Проблема применения оценочных категорий института изменения и расторжения договора / Л.В. Давидова // Наука молодых – наука будущего: сборник статей XV Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 июня 2025 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2025. – С. 148-151.
- Демидкова Е.М. Материально-правовые и процессуальные проблемы расторжения договоров / Е.М. Демидкова // Молодой ученик. – 2025. – № 35(586). – С. 93-96.
- Куликова Е.В. Проблемы заключения, изменения и расторжения гражданско-правового договора / Е.В. Куликова // Студенческий. – 2025. – № 16-9(312). – С. 5-7.
- Овчинников А.А. Существенное изменение обстоятельств как основание расторжения договора: проблемы судебной практики / А.А. Овчинников, Е. А. Самохина // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 3-1. – С. 465-473.
- Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.12.2022 №30-КГ22-17-К5 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=744855&cacheid=5F449C7384EA583D409ABC2813137575&mode=splus&rnd=Q3eHi5VqYk29RD2K#KLxxj5VI4hXwdmC6>(дата обращения:18.12.2025).
- Решение Арбитражного суда по делу № А04-3431/2022 от 20 июня 2022 г. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sD8ymItXPqgT/?ysclid=mjb8w10zey961902330> (дата обращения:18.12.2025).
- Решение от 19 сентября 2022 г. по делу № А40-123987/2022 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/AAc3Jeb10LbB/?ysclid=mjb930tvst208183284> (дата обращения:18.12.2025).

9. Решение Арбитражного суда по делу № А07-789012/2023 от 05.06.2023 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=561734&cacheid=21DC4889BD6C301CF931E3746797174C&mode=splus&rnd=Q3eHi5VqYk29RD2K#R3Koi5ViMmRLvEgj2> (дата обращения:18.12.2025).

10. Решение от 13 июня 2024 г. по делу № А40-51724/2024 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/Ve1Ph5YkV3UT/?ysclid=mjbfzok1ed386795553> (дата обращения:18.12.2025).

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.10.2023 № Ф05-25904/2023 по делу № А40-20559/2023 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=495366&cacheid=F9778C21D57FE22B83A9A355265C4A39&mode=splus&rnd=Q3eHi5VqYk29RD2K#8Sgyj5VWolhj1VOA3> (дата обращения:18.12.2025).

12. Постановление от 13 марта 2024 г. по делу № А56-101875/2018 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ybbUVideqJZr>

/?ysclid=mjbg2xkh6a586568774 (дата обращения:18.12.2025).

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2024 № Ф05-14013/2024 по делу № А40-205460/2023 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=526677&cacheid=BDF6A9A64931351579BA822C8B92A308&mode=splus&rnd=Q3eHi5VqYk29RD2K#frlqi5VQPvZSzygw> (дата обращения:18.12.2025).

14. Постановление от 8 октября 2024 г. по делу № А62-11311/2023 [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/WgyO12bgYqJP/?ysclid=mjb8hhz2m9992551121>(дата обращения:18.12.2025).

15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2025 № Ф05-10957/2025 по делу № А41-86788/2024 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=561734&cacheid=21DC4889BD6C301CF931E3746797174C&mode=splus&rnd=Q3eHi5VqYk29RD2K#R3Koi5ViMmRLvEgj2> (дата обращения:18.12.2025).

KONSTANTINOVA Vera Alexandrovna

Graduate Student, Moscow University "Synergy", Russia, Moscow

SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL PROBLEMS OF CONTRACT TERMINATION

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of current substantive and procedural problems that arise upon termination of civil law contracts. The study covers issues related to substantive analysis: insufficient certainty of criteria for qualifying a breach of an obligation as "significant" within the meaning of Article 450 of the Civil Code of the Russian Federation, difficulties in justifying the impossibility of achieving the purpose of the contract for both objective and subjective reasons.

Keywords: contract, termination of the contract, essential civil law contract, procedural problems, practice, consequences of termination of the contract, violation of the contract.

МЕЛЬНИКОВ Артем Евгеньевич
студент, Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Россия, г. Саранск

*Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат политических наук Ширманов Евгений Владимирович*

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРЫСТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена криминалистическому анализу обстановки совершения преступления, личности преступниками и способа совершения преступлений, совершенных с целью получения материальной выгоды. Подобные действия осуществляются преступниками в форме различных составов преступлений: от преступлений против собственности до преступлений коррупционной направленности, однако общим остаётся мотив – преступное обогащение.

Ключевые слова: корыстный мотив, криминалистическая характеристика, личность преступник, обогащение, экономическая сфера.

Корыстная направленность преступлений охватывает широкий перечень противоправных посягательств, направленных на незаконное завладение чужим имуществом, а также действия, совершаются с целью снизить какие-либо имущественные или финансовые затраты.

Проведённый анализ данных МВД о состоянии преступности против собственности в период за январь – июль 2025 года в России показывает, что количество уголовно-наказуемых действий достигло 26 773 случая, а прирост составил 5,7%, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [1].

Негативная динамика роста атак со стороны мошенников составляет внушительную часть преступлений с корыстной направленностью, что выступает серьезной современной проблемой российского общества.

Так, за составы, предусмотренные статьями 159–159.3 и 159.5–159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации в 2025 году было возбуждено 23602 уголовных дел, что на 7,2% больше показателей 2024 года [1].

Обстановка совершения корыстных преступлений характеризуется выбором особого места и времени совершения противоправного действия. Так, преступники, совершающие

разбои и грабежи выбирают безлюдную или малолюдную обстановку в сумеречное время дня, а жертвами чаще всего выступают женщины или люди, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, ведь именно такой круг лиц оказываются незначительное сопротивление [2]. Что же касается вымогательства, то время совершения преступления не имеет значения, однако важным для преступника остается подбирать удаленные и тихие места, предпочтение часто отдается нежилым помещениям, таким как гаражи, заброшенные дома и др.

В криминалистической науке следует выделить три этапа совершения преступления: подготовительный, момент совершения действия и сокрытие [3, с. 173].

Так, первая стадия характеризуется формированием преступного умысла, направленного на желание незаконного завладения чужим имуществом. Переходным этапом к непосредственному совершению действия выступает поиск удобной жертвы, а также приобретение ли изготовление специфических споручных средств совершения преступления, например покупка дополнительной SIM-карты для осуществления мошеннических действий или изготовление дверных отмычек для совершения кражи. При вынашивании замысла о

присвоении денежных средств на данном этапе открывается отдельный банковский счет.

Второй этап представляет собой совокупность активных действий по непосредственному воплощению умысла в жизнь. Именно в этот момент причиняется вред охраняемым законом интересам, а именно отношениям в сфере собственности. Для достижения корыстной цели преступник может прибегать к различным методам воздействия на жертву как психического, в случаях мошенничества, так и физических при совершении уличной кражи или разбоя.

Завершающий этап может начаться сразу после совершения преступления или стать его частью. Важно понимать, сокрытие не является обязательной стадией, однако данный посткriminalный момент способен добавить большей латентности преступлениям, связанным с финансами, а в отдельных случаях образует отдельный состав преступления, например отмывание денежных средств и иного имущества [4].

Описывая личность преступника, в основном следует учитывать практическую составляющую, которая позволяет сделать вывод существования в этой сфере разных типов преступника, как случайного, не отличающегося стойкими антиобщественными взглядами, так и особо злостного типа преступников, строящихся свою жизнь вокруг наживы за счёт других лиц [5, с. 39]. Это объясняется тем, что группа корыстных преступлений включает в себя составы по краже, грабежу, мошенничеству, вымогательству, растрате и разбою, поэтому каждый из виновных имеет свои акцентуации характера.

Однако, по мнению многих психологов, все эти типы личностей могут объединить два существенных качества характера: импульсивность и ригидность, которые фактически выступают движущей силой и подталкивают человека переступить через границу закона и совершив противоправное деяние, выбрав способ дальнейших действий. Важно понимать, что существование подобных черт влияют

лишь на форму и вероятность преступного поведения, однако при отсутствии желания извлечения материальной выгоды совершение самого преступления невозможно [6, с. 19].

Таким образом, преступления корыстной направленности отличаются высокой латентностью, большой выборкой типов личности преступника, и не первый год занимают лидирующие позиции среди наиболее распространённых преступлений в стране. Важно сохранять темпы разработок новых механизмов борьбы с преступлениями корыстной направленности, учитывая их специфику.

Литература

1. Рейтинг регионов России по экономической преступности // Медиа Ток. URL: <https://moskva.mediatalk.ru/news/rating/reyting-regionov-rossii-po-ekonomiceskoy-prestupnosti/> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Профилактика корыстно-насильственных преступлений // УМВД России по Фрунзенскому району г. Санкт-Петербурга. URL: <https://frunz.78.mvd.ru/grazhd/pamjatka-dlya-gраждан/профилактика-корыстно-насильственных-пре> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Уголовное право. Общая и особенная части: учебник для вузов / под ред. Н.Г. Кадникова. – М., 2006. 704 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019 г.) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 174.
5. Агагасанов А.Ш.О., Исаева Л.А. Криминологическая характеристика корыстных преступлений // Контентус. 2019. № 6 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-korystnyh-prestupleniy> (дата обращения: 11.12.2025).
6. Турышев А.А. Корыстный мотив преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korystnyy-motiv-prestupleniya> (дата обращения: 13.12.2025).

MELNIKOV Artem Evgenievich

Student, Middle Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
of the Sredne-Volzhsky Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry
of Justice of Russia), Candidate of Political Sciences Shirmanov Evgeny Vladimirovich*

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES WITH AN ALIMENTARY MOTIVE

Abstract. This article focuses on the forensic analysis of the crime scene, the identity of the perpetrators, and the methods used to commit crimes for the purpose of obtaining material gain. These crimes are carried out by criminals in various forms, ranging from crimes against property to corruption-related crimes, but the common motive is criminal enrichment.

Keywords: self-interested motive, forensic characteristics, criminal personality, enrichment, and the economic sphere.

УШКУР Ксения Дмитриевна

СПЕЦИФИКА ПЕРЕХОДА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВО СУПРУГОВ

Аннотация. В статье уточняется понятие режима супружеского имущества. Раскрывается содержание совместной собственности супругов. Конкретизируется состав имущества, которое может находиться в совместной собственности супругов. Автором достаточно подробно освещается вопрос о порядке и особенностях раздела общего имущества супругов.

Ключевые слова: семья, интересы семьи, супруги, имущественные отношения супругов, общее имущество супругов, переход права собственности.

С принятием нового Семейного кодекса РФ в юридический оборот вошло понятие «режим имущества супругов». Под этим понятием подразумевается порядок регулирования имущественных отношений супругов между собой, а также с третьими лицами. Режим супружеского имущества может быть установлен либо законом (законный режим имущества супругов), либо договором (договорный режим имущества супругов).

Совместная собственность возникает только при государственной регистрации брака. Без такой регистрации семейные отношения не приводят к возникновению совместной собственности. Если возникает спор о разделе совместно нажитого имуществаьями, не состоящими в зарегистрированном браке, то этот спор разрешается по правилам об общей долевой собственности при расторжении их отношений. Однако в современной юридической науке есть понятия такие как фактический брак, фактическое сожительство, фактические брачные отношения. Эти отношения возникают между партнерами, которые живут вместе и ведут общее хозяйство, но не оформили свои отношения в соответствии с законом, то есть без государственной регистрации брака.

В современном обществе все меньше людей решаются на заключение официального брака, отдавая предпочтение фактическому сожительству. Однако такой выбор не лишен определенных рисков, особенно в отношении раздела имущества, приобретенного во время совместной жизни. Без государственной регистрации брака не возникает общей совместной

собственности, а значит, нормы Семейного и Гражданского кодексов РФ не распространяются на имущественные отношения между фактическими супружами [2, с. 83].

В случае фактического брака имеется возможность признания общей долевой собственности на приобретенное имущество. В этом варианте, важно определить размеры долей в праве общей собственности, которые должны соответствовать вложенным средствам каждого из супругов. Таким образом, собственность будет делиться не поровну, а в соответствии с долей каждого.

В соответствии со статьей 252 ГК РФ, при разделе имущества, нажитого во время фактического брака, необходимо учитывать вклад каждого из супругов в его приобретение. Если один из супругов считает, что имущество было приобретено с использованием его средств, но оформлено на имя другого супруга, он может подать иск в суд. Однако, судебная практика показывает, что помимо доказательства факта покупки и оплаты имущества собственными средствами, истец также должен доказать наличие договоренности о приобретении имущества в общую собственность и нарушение этой договоренности. Однако, в большинстве случаев прямых доказательств такой договоренности нет, что делает это практически невозможным.

Особый интерес вызывает соглашение о режиме общей долевой собственности на имущество, которое было приобретено на имя фактического супруга. Согласно статье 244 Гражданского кодекса Российской Федерации, нельзя установить общую собственность путем

отчуждения определенной доли (долей) в праве на это имущество, при этом сохраняя за собственником другие доли. Так как сам собственник не имеет права создать общую собственность на неделимую вещь, такое имущество не может быть разделено без изменения его назначения либо в силу закона.

Сложно объяснить ограничение, которое связано с принципом свободы договора. Поэтому Росреестр и многие суды признают соглашения об установлении режима общей долевой собственности на имущество, приобретенное фактическими супругами. Есть третий вариант разрешения имущественных споров между лицами, которые состояли в фактическом браке. Этот вариант заключается во взыскании неосновательного обогащения. В судебной практике иногда бывают ситуации, когда истец (один из сожителей) пытается взыскать неосновательное обогащение со своего бывшего фактического супруга, который является ответчиком.

Неоспоримого решения таких ситуаций в большинстве случаев можно найти в соответствии со статьей 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации [3], которая относится к неосновательному обогащению. Суды занимают примерно одинаковую позицию по этому вопросу: денежные средства и имущество не подлежат возврату как неосновательное обогащение, если факт передачи денежных средств и/или имущества был установлен в отсутствие обязательств (безвозмездно) и без предоставления встречного условия. Верховный суд Российской Федерации исходит из предположения, что имущественные отношения между фактическими супругами являются безвозмездными.

Для подтверждения требований в судебном иске необходимо представить доказательства определенных фактов. В частности, таких как факт совместного проживания и совместного ведения хозяйства, который может быть подтвержден свидетельскими показаниями, регистрацией по одному адресу, наличием общих детей и другими аналогичными фактами. Для признания права на общую долевую собственность необходимо доказать наличие соглашения о приобретении имущества в общую собственность, а также о его улучшении (например, проведении ремонта). В случае между фактическими супругами отсутствует явное

соглашение о таком приобретении имущества, поэтому суды не могут принять определенную позицию относительно его формы заключения [4, с. 654].

В государстве существуют правовые нормы, которые регулируют семейные отношения и служат основой для возникновения права общей собственности. Однако эти нормы не определяют роль одного из супругов в процессе регистрации имущества и являются законными в соответствии с гражданским законодательством, как указано в статье 223 ГК РФ пункте 2 статьи 8 пункте 2.

Однако они создают неправомерную ситуацию, в которой право собственности одного из супругов на общее имущество является в некоторой степени фиктивным, так как отсутствуют фактические способы его осуществления.

При отсутствии упоминания одного из супругов в документах, устанавливающих право собственности на имущество, этот супруг лишается полного распоряжения данным имуществом в соответствии с пунктом 1 статьи 2 ФЗ от 21 июля 1997 года № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Таким образом, законодательно определено, что фактическим владельцем совместного имущества супругов является гражданин, указанный в документах.

На основании вышеизложенного, считаем целесообразным дополнить ст. 34 СК РФ положением, в соответствии с которым общие долги супругов не просто «учитывались» бы при разделе совместно нажитого имущества, а составляли его «пассивную» часть. Необходимо привести данную норму в соответствие со сложившейся судебной практикой.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (с изм., внесенными постановлением Пленума от 6 февраля 2007 г. № 6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // КонсультантПлюс (consultant.ru) (дата обращения: 14.06.2025).

2. Фирсова Н.В., Вагнер В.Р. Договорной режим ответственности супругов по

обязательства // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 55-5. – С. 83.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // Собрание законодательства

РФ. – 1996 г. – № 15. – Ст. 411; 2023. – № 31. – Ст. 5788.

4. Пиляева В.В. Гражданское право. Части Общая и Особенная: учебник. / В.В. Пиляева. Москва: КноРус, – 2011. – С. 654.

USHKUR Ksenia Dmitrievna

Graduate Student, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

THE SPECIFICS OF THE TRANSFER OF OWNERSHIP OF THE PROPERTY OF THE SPOUSES

Abstract. The article clarifies the concept of the marital property regime. The content of the joint property of the spouses is revealed. The composition of the property that may be jointly owned by the spouses is specified. The author highlights in sufficient detail the issue of the procedure and specifics of the division of the spouses' common property.

Keywords: family, family interests, spouses, property relations of spouses, common property of spouses, transfer of ownership.

ФЕДОРОВА Эльвира Павловна

магистрантка,

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО СЛУЖАЩЕГО НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых аспектов, регулирующих государственную (муниципальную) службу в Российской Федерации на современном этапе. Особое значение придается разработке теоретических концепций и формированию практических рекомендаций для их имплементации в виде предложений по совершенствованию законодательства и иных нормативных правовых актов. В статье анализируются проблемы публично-правового регулирования статуса государственного и муниципального служащего.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, муниципальная служба, муниципальный служащий, правовой статус.

Государственная и муниципальная служба Российской Федерации подвергается значительному реформированию на протяжении всей ее новейшей истории. В системе государственной и муниципальной службы имеют место разнообразные противоречия системного, структурного, функционального, организационного, статусного, процессуального и иного характера. Каждая группа противоречий формирует определенные проблемы в функционировании государственной и муниципальной службы. Помимо этого, существуют такие проблемы государственной и муниципальной службы, которые определяются не их внутренним содержанием, а особенностями взаимодействия с внешней средой.

В рамках государственной и муниципальной службы ключевое значение приобретает реализация публичных функций и задач, возложенных на органы государственной власти и местного самоуправления. Совершенствование механизмов реализации публичных функций и задач является постоянным приоритетом государственной политики. Внедрение современных информационных технологий, развитие системы электронного правительства и оптимизация административных процедур направлены на повышение эффективности и доступности государственных и муниципальных услуг, снижение административной нагрузки на граждан и организации. Эффективная реализация публичных функций и

задач способствует укреплению доверия граждан к органам государственной власти и местного самоуправления, повышению качества жизни населения и созданию благоприятных условий для развития экономики и социальной сферы, однако при реализации и осуществлении своей деятельности государственные и муниципальные служащие сталкиваются с рядом проблем.

Ключевой является фрагментарность нормативной базы. Несмотря на наличие Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1] и Федерального закона № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [2], сохраняются коллизии и пробелы в регулировании отдельных аспектов статуса служащих (например, вопросы конфликта интересов, гарантии социальной защиты).

Недостаточно эффективно реализуется принцип разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере регулирования государственной службы. Это приводит к дублированию функций, усложнению системы управления государственной службой и снижению ее эффективности. Особого внимания заслуживает вопрос оптимизации структуры органов государственной власти и местного самоуправления. Необходимо устранить дублирование функций и избыточное количество

уровней управления. Важным является внедрение принципов проектного управления, позволяющих эффективно решать сложные и межведомственные задачи.

Назрела необходимость совершенствования механизмов привлечения к ответственности государственных и муниципальных служащих за коррупционные правонарушения. Требуется усиление контроля за соблюдением антикоррупционных стандартов и повышение эффективности мер по предотвращению коррупции (Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») [3].

Выделим общую проблему правового регулирования статуса государственного и муниципального служащего: в действующем законодательстве отсутствует понятие правового статуса муниципального, служащего и гражданского служащего. Указанные понятия являются важным компонентом государственной и муниципальной деятельности. Именно правовой статус обеспечивает качественное функционирование гражданской и муниципальной службы, поскольку гарантирует ряд значимых функций и требований служащих. Рассмотрение и анализ проблем законодательного регулирования правового статуса служащих в стране дают возможность сделать вывод о том, что действующие законодательные акты регламентируют только некоторые составляющие правового статуса, а именно – права, обязанности, ограничения, принципы ответственности и гарантии осуществления деятельности.

Для решения указанной проблемы необходимо закрепить в ст. 1 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и в главе 3 Федерального закона № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» следующее определения:

- Правовой статус государственного служащего – это совокупность прав, обязанностей, ограничений, запретов и ответственности, установленных законодательством и иными нормативными правовыми актами, определяющих положение в системе государственной службы.

- Правовой статус муниципального служащего – это совокупность прав, обязанностей, ограничений, запретов и ответственности, установленных законодательством и иными нормативными правовыми актами, определяющих положение в системе муниципальной службы.

В контексте совершенствования нормативной базы особого внимания заслуживает унификация требований к квалификации государственных и муниципальных служащих. Различия в подходах к определению необходимого уровня образования, стажа работы и профессиональных навыков создают препятствия для межмуниципальной и межведомственной мобильности кадров. Внедрение единых квалификационных требований позволит повысить профессионализм служащих и обеспечить равные возможности для карьерного роста. В целях повышения эффективности государственной и муниципальной службы необходимо совершенствование системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров. Следует внедрять современные образовательные технологии и привлекать к обучению ведущих экспертов и практиков. Актуальным представляется развитие системы наставничества, направленной на передачу опыта и знаний от опытных служащих к молодым специалистам.

Важным направлением является оптимизация системы оплаты труда государственных и муниципальных служащих. Необходимо обеспечить достойный уровень заработной платы, сопоставимый с уровнем оплаты труда в частном секторе, чтобы привлечь и удержать квалифицированных специалистов. Следует также усовершенствовать систему премирования и поощрений, ориентированную на достижение конкретных результатов и повышение эффективности работы.

Необходимо активнее внедрять современные информационные технологии в деятельность органов государственной и муниципальной власти. Это позволит повысить прозрачность и доступность информации для граждан, сократить сроки предоставления государственных и муниципальных услуг, а также снизить административные издержки.

Повышение эффективности публично-правового регулирования статуса государственных и муниципальных служащих является важным фактором укрепления государственности и повышения доверия граждан к власти. Повышение престижа государственной и муниципальной службы является важным фактором привлечения квалифицированных кадров. Необходимо формировать позитивный имидж государственного и муниципального служащего, демонстрировать обществу важность и значимость их работы. Следует также развивать систему морального и материального

стимулирования, поощрять инициативу и творческий подход к решению задач.

Таким образом, комплексное решение проблем публично-правового регулирования статуса государственных и муниципальных служащих требует системного подхода, включающего совершенствование законодательства, оптимизацию структуры управления, повышение квалификации кадров и внедрение современных информационных технологий.

Литература

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Российская газета. 2007. 31 июля.
2. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 30.09.2024 с изм. и доп.) // Российская газета. 2007. 07 марта.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2008. 30 декабря.

FEDOROVA Elvira Pavlovna

Graduate Student, Ural Institute of Management, a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Yekaterinburg

PROBLEMS OF PUBLIC LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF A STATE AND MUNICIPAL EMPLOYEE AT THE PRESENT STAGE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the legal aspects regulating the state (municipal) service in the Russian Federation at the present stage. Particular importance is attached to the development of theoretical concepts and the formation of practical recommendations for their implementation in the form of proposals for improving legislation and other regulatory legal acts. The article analyzes the problems of public law regulation of the status of a state and municipal employee.

Keywords: civil service, civil servant, municipal service, municipal employee, legal status.

ФИЛЯНИНА Дарья Александровна
магистрантка, Ульяновский государственный университет, Россия, г. Ульяновск

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 78.1 УК РФ
«ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СВЯЗИ С ПРИЗЫВОМ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ
В ПЕРИОД МОБИЛИЗАЦИИ ИЛИ В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ...»)**

Аннотация. Статья посвящена комплексному научному исследованию актуальных проблем освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно заключивших контракт о прохождении военной службы. Выявлен ряд противоречий правоприменительной практики. Автор приходит к выводу о том, что данная норма уголовного закона предоставляет широкие дискреционные полномочия командованию войсковых частей.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, военная служба, уголовная ответственность, призыв на военную службу, мобилизация, уголовное право.

Ведение в российское уголовное право статьи 78.1 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время...») является беспрецедентным нововведением, отражающим влияние внешнеполитических и социальных обстоятельств (специальную военную операцию) на уголовную политику государства. Данная норма, введенная Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ, создает уникальный поощрительный институт, связывающий судьбу уголовного преследования с прохождением военной службы в особых условиях.

Статья 78.1 УК РФ устанавливает специальное нереабилитирующее основание для прекращения уголовного преследования. Её применение носит строго формализованный характер и зависит от совокупности условий.

В первую очередь, субъектом данной юридической конструкции должно выступать лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование. Во-вторых, применение данной нормы возможно только в период мобилизации, военного времени. В-третьих, существуют составы преступлений, исключающие возможность применения анализируемой нормы (тяжкие сексуальные преступления против несовершеннолетних, терроризм, госизмена, шпионаж, экстремизм).

Ключевая процессуальная особенность, разъясненная Верховным Судом РФ в

соответствующем определении [1], заключается в том, что приостановление дела по ходатайству командования является процессуальным механизмом, обеспечивающим возможность убытия к месту службы, но не обязательным предварительным условием для освобождения. Таким образом, основанием является сам факт службы и последующее выполнение одного из двух финальных условий (награждение освобожденного лица государственной наградой РФ или увольнение с военной службы по законным основаниям).

Контроль за поведением лиц, освобожденных по данной статье, возлагается на командование воинской части, что подчеркивает военно-исправительную составляющую правового механизма.

С доктринальной точки зрения ст. 78.1 представляет собой поощрительную норму особого рода, которая одновременно служит как реализацией принципа гуманизма уголовного закона, так и несет непосредственную пользу государственным интересам, поскольку субъект взамен привлечения к уголовной ответственности и (на практике - чаще всего) проведения нескольких лет в исправительном учреждении отправляется на военную службу для достижения целей и задач специальной военной операции (далее - СВО).

Как отмечают современные авторы освобождение, предусмотренное исследуемым правовым механизмом, носит условный

характер. Освобождение не является немедленным и окончательным. Оно отложено во времени и зависит от наступления в будущем одного из двух юридических фактов (награждение или увольнение по конкретным основаниям). До этого момента уголовная ответственность лишь «заморожена». Помимо того норма, закрепленная в статье 78.1 УК РФ сама по себе диспозитивного начала с сильным публичным элементом: Волеизъявление потерпевшего, ключевое для ст. 76 УК РФ (примирение), здесь не имеет значения. Решение принимается государством (судом) на основе формальных критерии и представления командования.

Безусловно, ввиду неоднозначности как правового, так и морально-этического значения данного правового механизма в обществе, равно как и в научных кругах, не утихают дискуссии по поводу его необходимости. В частности, отечественный правовед Д. Ю. Гончаров [2, с. 107] отмечает, что рассматриваемая норма создает ситуацию, когда тяжесть содеянного может быть «компенсирована» военными заслугами. Фактически это приводит к инструментализации уголовного права, превращению его в механизм мобилизации ресурсов, что подрывает базовый принцип неотвратимости наказания.

Как отмечено в юридической литературе [3, с. 58], данная норма уголовного закона предоставляет широкие дискреционные полномочия командованию войсковых частей. Так, например, ходатайство командира войсковой части является ключевым процессуальным документом, но критерии его подачи законодательно не определены. Также использованная формулировка «может быть освобождено» (ч. 1 ст. 78.1) оставляет суду право на отказ даже при формальном соблюдении всех условий, что ведет к риску произвольных решений.

Помимо того, рассматриваемый правовой механизм не содержит требований о

деятельном раскаянии (явка с повинной, возмещение вреда), которые характерны для ст. 75 УК РФ. Освобождение происходит вне связи с поведением лица относительно совершенного преступления, а лишь в связи с его последующим статусом военнослужащего. Все это, конечно, порождает вопрос об эффективности такой меры с точки зрения предупреждения новых преступлений [4, с. 116].

Таким образом, статья 78.1 УК РФ представляет собой яркий пример адаптации уголовного законодательства к чрезвычайным общественно-политическим условиям. Её правовая природа лежит на стыке уголовного, военного и процессуального права, формируя уникальный условно-поощрительный институт. Однако дальнейшее правоприменение указанной нормы права представляется туманным.

Литература

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 02.07.2025 по делу № 56-УДП25-13 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://advo-katzsp.ru/wp-content/uploads/2025/07/opredelenie-vs-rf-ot-02.07.2025-goda.pdf?ysclid=mj45v7woyg118400960>.
2. Гончаров Д.Ю., Гончарова С.Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. 2024. № 1. С. 107.
3. Жукова Т.Г., Долгополов К.А., Жуков А.П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2 (41). С. 58.
4. Петрова К.В. Некоторые проблемы применения статей, связанных с освобождением от уголовной ответственности и отбыванием наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации или в военное время // Молодой ученый. 2025. № 37 (588). С. 116.

FILYANINA Darya Alexandrovna
Graduate Student, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

**CERTAIN ISSUES OF LAW ENFORCEMENT OF ARTICLE 78.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
("EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION
WITH CONSCRIPTION DURING MOBILIZATION OR DURING WARTIME...")**

Abstract. The article is devoted to a comprehensive scientific study of the actual problems of getting rid of criminal liability of persons who voluntarily signed a contract for military service. A number of contradictions in law enforcement practice have been identified. The author comes to the conclusion that this provision of the criminal law grants broad discretionary powers to the command of military units.

Keywords: exemption from criminal liability, military service, criminal responsibility, conscription, mobilization, criminal law.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ЗАХАРОВ Никита Сергеевич

студент,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
кандидат социологических наук Шаповал Жанна Александровна*

ПРЕОДОЛЕНИЕ КРИЗИСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые причины кризисов в системе государственного управления и методы их преодоления в условиях экономической нестабильности и социальных вызовов. Приведены данные современных исследований, подчёркивающих необходимость институциональных реформ, экономических стабилизационных мер и применения системного анализа. Особое внимание уделено комплексному подходу к антикризисной политике, включающему правовые, управленческие и социально-экономические инструменты.

Ключевые слова: государственное управление, кризис, кризис государственного управления, управление кризисами, методы преодоления кризисов.

В современных условиях глобализации, экономической нестабильности и социальных потрясений обеспечение устойчивости государственного управления приобретает особую актуальность. Государственные кризисы могут иметь самые разнообразные проявления – от резких экономических спадов до политических конфликтов и природных катастроф – и ставят под угрозу эффективность функционирования власти на разных уровнях. В научной литературе подчёркивается, что без оперативного выявления и преодоления кризисных явлений возрастает риск дестабилизации всей системы управления и серьёзных социальных последствий [3, с. 166]. Так, необходимо отметить, что в эпоху кризисов качество государственного управления становится критическим фактором национальной безопасности, а неадекватная реакция власти на кризисные вызовы может привести к тяжёлым экономическим потерям и утрате доверия населения. Анализ современных исследований свидетельствует, что изучение путей преодоления кризисов в системе

государственного управления объединяет вопросы экономической политики, институциональных реформ и управленческих инноваций, что подчёркивает важность комплексного подхода к проблеме [2, с. 31].

Под кризисом в системе государственного управления обычно понимается явление «чрезмерного обострения противоречий» в социальной, экономической и политической сферах, которое угрожает нормальному функционированию государства. Так, Гиносян и Андреасян определяют кризис как ситуацию, «которая угрожает эффективному функционированию» управляемых систем [3, с. 166]. Причины таких кризисов могут быть самыми различными. Специалисты называют основными факторами экономическую нестабильность (например, резкие колебания финансовых рынков, сбои в бюджетной системе), природные и техногенные катастрофы (стихийные бедствия, экологические катастрофы), а также обострение социальных и политических противоречий внутри общества [3, с. 166]. Особо важна роль

экономических кризисов и внешних шоков: нестабильность мировой экономики, санкционные и торговые ограничения могут становиться триггером для внутренних управляемых кризисов, требующих специальных мер по стабилизации и перераспределению ресурсов [1, с. 102]. Параллельно, Бунина и Дворецкий рассматривают кризис как системный сбой в управляемой организации государства, при котором нарушается взаимодействие между институтами власти и обществом; они выделяют внутренние причины (бюрократические неэффективности, коррупция) и внешние факторы (геополитическая напряжённость, цифровые вызовы) как основные детерминанты кризисов [2, с. 33]. Такая типология подчёркивает, что для преодоления кризиса необходима ясная диагностическая модель: классификация позволяет целенаправленно выявлять очаги напряжения и выстраивать адекватные методы реагирования в зависимости от типа кризиса (экономического, социального, функционального и др.) [3, с. 167].

Методы преодоления кризисов в государственном управлении включают сочетание долгосрочных реформ и оперативных антикризисных мероприятий. Одним из ключевых средств, отмечаемых в литературе, является проведение системных реформ, направленных на изменение структуры власти и отношений между государством и гражданами. Осуществление реформ – это способ борьбы с государственным кризисом, заключающийся в установлении новых взаимоотношений в политической и социальной сферах [3, с. 168]. При этом реформирование затрагивает одновременно три взаимосвязанные области: укрепление доверия общества к власти, внедрение прозрачных процедур принятия решений и изменение качественного состава государственного аппарата. Параллельно с институциональными преобразованиями эффективная антикризисная политика предусматривает использование экономических инструментов стабилизации. В условиях экономического кризиса особое значение приобретают бюджетно-финансовые меры: разработка антикризисной бюджетной программы, смягчение налоговой нагрузки и стимулирование инвестиций в ключевые отрасли [1, с. 103]. Государство играет огромную роль в преодолении кризисных ситуаций. Основными функциями государства во время кризисных ситуаций являются:

- социальная поддержка: государству необходимо защитить наиболее уязвимые слои общества, помочь им с помощью льгот, субсидий, дополнительных выплат;
- коммуникация: государству необходимо сохранять целостность информационного пространства, а также предотвращать панику и дезинформацию в обществе;
- защита интересов граждан и гражданских прав: государство, даже в условиях кризиса, обязано сохранять и защищать права людей для предотвращения обострения социальной обстановки и повышения «градуса напряжения» в обществе;
- антикризисная: государство обязано разработать план противодействия кризисной ситуации и направить действия граждан и бизнеса в нужное русло для скорейшего выхода из кризиса;
- планирование и стратегирование: государство обязано – учитывая прошлый опыт – разработать план действий, предотвращающий последующие попадания в кризисные ситуации, а также план выхода из них в случае попадания;
- экономическая стимуляция: государству необходимо выделять субсидии для малого и среднего бизнеса, а также для иных – наиболее пострадавших от кризисных проявлений – субъектов, для поддержки экономики в кризисный период.

Государственное управление должно обеспечить баланс между поддержкой бизнеса, поддержкой социальной сферы и жёстким контролем расходов, чтобы предотвратить дефицит бюджета и резкую инфляцию. Стоит обратить внимание на управляемые и правовые аспекты антикризисного менеджмента: они указывают на необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, чёткого распределения полномочий между органами власти и повышения профессионализма государственных служащих как основы для эффективной борьбы с кризисом. Комплексный подход также включает меры поддержки населения и бизнеса (выплаты субсидий, программы переквалификации, стимулирование внутреннего спроса), что согласуется с выводами об «анализе причин возникновения кризиса и разработке программы выхода из кризиса» [3, с. 168]. Таким образом, синтез институциональных реформ, макроэкономических стимулов и социально-политических мер формирует основу антикризисной стратегии государства.

Наряду с традиционными инструментами реформирования и стабилизации, некоторые авторы предлагают использовать научные методы системного анализа для решения кризисных проблем. Ветров в своей работе подчёркивает, что прикладной системный анализ позволяет всесторонне оценить состояние управляемой системы на уровне субъекта федерации и выявить «узкие места» в её функционировании [4, с. 508]. В основе такого подхода – построение модели государственной управляемой системы как целостного комплекса подсистем (экономических, социальных, технологических и др.) и определение критериев эффективности для каждой подсистемы. По мнению автора, применение системного анализа обеспечивает прогнозирование динамики кризисных явлений и выявление ранних сигналов, что даёт возможность проводить превентивные меры в сфере управления и экономики [4, с. 507]. Анализ сценариев развития региональной экономики в сочетании с оценкой эффективности бюджетных и управляемых решений помогает заранее скорректировать политику местных властей и минимизировать негативные последствия кризиса. Это согласуется с идеями о важности совместного учета экономических и институциональных факторов: по их мнению, модельный анализ позволяет «прогнозировать и диагностировать кризисные состояния» и формировать комплексную программу стабилизации. Кроме того, применение системного подхода даёт возможность объединить воедино рекомендации разных экспертов: так, механизмы, перечисленные выше (правовые реформы, финансовая стабилизация, поддержка социальных программ), рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой стратегии. В итоге использование методики прикладного системного анализа обеспечивает синергетический эффект – государство получает эффективный инструмент для разработки согласованных мер на фоне сложного кризисного фона [4, с. 508].

Кризисы при успешном управлении ситуацией могут стать началом нового этапа стабилизации и позитивного развития общества и его политической системы. В случае если субъекты власти проявляют слабое понимание причин происходящего, политические конфликты могут обостряться в сторону кризисной ситуации и привести к следующему этапу кризиса государственной власти, который характеризуется неспособностью правительства решить

стоящие перед обществом проблемы ипотечных политическими методами, характерными для нормального функционирования политической системы [2, с.33].

Таким образом, преодоление кризисов государственного управления требует комплексных и скоординированных действий. Инициирование широких институциональных реформ, направленных на укрепление правового государства и повышения компетентности администрации, должно сопровождаться конкретными экономическими мерами по стабилизации финансов, бюджета и рынка труда. Одновременно важно использовать современные научные подходы – в частности, системный анализ – для своевременного выявления причин кризиса и выработки адаптивной модели управления [4, с. 507]. Современная практика показывает, что ни один из подходов не является универсальным рецептом: для успеха требуется комбинированная стратегия, которая учитывает специфику кризисной ситуации. В основе всех мер лежит заблаговременное предупреждение и диагностика кризисных тенденций: чем раньше государство выявит признаки надвигающегося кризиса, тем эффективнее окажутся принимаемые меры. В совокупности привлечение ресурсов экспертов по экономике, политике и системному анализу создаёт основу для выстраивания единственной стратегии преодоления кризисов, сохраняющей эффективность государственной власти даже в наиболее напряжённые периоды. Каждый из проанализированных подходов дополняет другой, формируя политику, способную противостоять вызовам современного мира.

Литература

1. Доника Д.А. Государственное управление преодолением экономических кризисов / Д.А. Доника, В.А. Плотников // Менеджмент и финансы производственных систем: сборник научно-практических статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (12 декабря 2024 года). – 2024. – С. 102-105. – EDN AAUVTE.
2. Бунина Е.А. Пути преодоления кризиса в системе государственного управления / Е.А. Бунина, А.В. Дворецкий // Социально-экономические аспекты менеджмента в эпоху развития цифровых технологий: сборник материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, 30 мая 2020 г. – 2020.– С. 31-33. – EDN ХАММJC.

3. Гиносян Г.А. Суверенные фонды России: анализ текущей деятельности и современные принципы управления / Г.А. Гиносян, Э.В. Андреасян // Четырнадцатая Годичная научная конференция (2–6 декабря 2019 г.): Сборник научных статей: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – С. 166-171. – EDN JKJVN.

4. Ветров Р.В. Прикладной системный анализ в преодолении кризиса государственного

управления субъектов РФ / Р.В. Ветров, Е.Ю. Пашкова // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых (22-23 апреля 2021). – 2021. – С. 506-509. – EDN CONBDM.

ZAKHAROV Nikita Sergeevich

Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration of the Belgorod State National Research University, Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna

OVERCOMING PUBLIC ADMINISTRATION CRISES

Abstract. *The article examines the key causes of crises in the public administration system and methods of overcoming them in conditions of economic instability and social challenges. The data of modern research are presented, emphasizing the need for institutional reforms, economic stabilization measures and the use of system analysis. Special attention is paid to an integrated approach to anti-crisis policy, including legal, managerial, and socio-economic tools.*

Keywords: *public administration, crisis, public administration crisis, crisis management, crisis management methods.*

ИРТАЛИЕВА Илина Нурлановна

магистрантка,

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Россия, г. Астрахань

АНАЛИЗ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на региональном уровне на примере Астраханской области. Обоснована социально-экономическая значимость сектора МСП как ключевого фактора снижения безработицы, формирования рабочих мест и обеспечения устойчивого экономического роста. Проведен анализ динамики основных показателей развития малого и среднего бизнеса в Астрахани за 2021–2023 годы, а также систематизированы основные меры муниципальной и региональной поддержки предпринимательства, включая имущественные, финансовые, консультационные и информационные инструменты.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, МСП, государственная поддержка, региональная экономика, муниципальные программы, занятость населения, инвестиции, предпринимательская инфраструктура.

Введение

1. В Малые и средние предприятия (МСБ) являются неотъемлемым элементом современной системы управления рынком, без которого экономика и общество в целом не могут эффективно развиваться. Малые и средние предприятия осваивают новые сегменты рынка, решая проблемы самореализации и трудоустройства граждан в сочетании с гарантированными налоговыми поступлениями в бюджеты всех уровней.

2. Развитие малого и среднего бизнеса имеет огромное значение для экономического роста и социального благополучия всей страны. Государственная поддержка играет важную роль в эффективном развитии малого и среднего бизнеса, именно поэтому многие регионы активно работают над созданием подходящих инструментов государственной поддержки малого и среднего бизнеса.

3. Сегодня малые и средние предприятия играют значительную роль в экономической жизни региона и страны в целом. Поэтому я провел анализ динамики основных показателей развития малого и среднего бизнеса в Астрахани за 2021–2023 годы.

4. Актуальность данной темы заключается в том, что малый бизнес активно влияет на снижение безработицы, а именно на создание новых рабочих мест, и противостоит влиянию экономического кризиса. А безработица, в

свою очередь, влияет на экономическое, социальное и психологическое состояние людей, поскольку потеря работы или невозможность ее получить для большинства означает, прежде всего, снижение уровня жизни. Как показывает опыт развитых стран, малый бизнес играет очень и очень важную роль в экономике, его развитие влияет на экономический рост, ускоряет научно-технический прогресс, насыщает рынок товарами требуемого качества, то есть решает насущные проблемы различного рода. Исследование, представленное в данной статье, описывает состояние малого бизнеса в России, государственную поддержку сектора малого бизнеса, проблемы его развития и ту роль, которую малый бизнес играет для всей страны.

1. Основные меры поддержки МСП на уровне муниципальных образований Астраханской области

1. Малые и средние предприятия (МСП) играют ключевую роль в экономическом развитии регионов, способствуя созданию рабочих мест, повышению конкурентоспособности и инновационности. В Астраханской области поддержка МСП осуществляется через различные меры, направленные на создание благоприятной предпринимательской среды. В данной главе рассматриваются основные меры поддержки МСП на уровне муниципальных образований региона.

2. Имущественная поддержка. Предпринимателям предоставляют во владение и (или) в пользование государственное и муниципальное имущество, свободное от прав третьих лиц. Также на льготных условиях предоставляются офисные, производственные помещения в бизнес-инкубаторах и коворкинге.

3. Консалтинговая поддержка. На базе Центра «Мой бизнес» предпринимателям оказывают услуги: оценка потенциала импортозамещения, содействие в проведении сертификации продукции, декларирования, аттестации, разработка программ модернизации/развития/технического перевооружения производства, проведение обучающих мероприятий, повышение квалификации сотрудников, размещение рекламы на радио и телевидении, разработка бизнес-плана, регистрация товарного знака, участие в выставках, консультации профильных экспертов.

4. Льготное кредитование. Астраханский фонд поддержки малого и среднего предпринимательства (микрокредитная компания) предоставляет микрозаймы под льготные процентные ставки на срок от 3 до 36 месяцев включительно.

5. Методическая и информационная помощь. Проводятся мероприятия по освещению изменений в законодательстве в различных сферах деятельности бизнес-сообщества, создан Совет по улучшению инвестиционного климата и развитию предпринимательства при главе муниципального образования, налажено тесное взаимодействие с региональными объектами инфраструктуры поддержки бизнеса.

6. Организация ярмарок, районных праздничных и выставочных мероприятий. Они способствуют реализации продукции и услуг субъектов предпринимательства.

7. Поддержка малых и средних предприятий на уровне муниципальных образований Астраханской области осуществляется через комплексный подход, включающий финансовую помощь, налоговые льготы, инфраструктурные инициативы, образовательные программы и поддержку инноваций. Эти меры направлены на создание благоприятной среды для развития предпринимательства, что в свою очередь способствует экономическому росту региона и повышению качества жизни его жителей. Важно продолжать развивать и

адаптировать эти меры в соответствии с изменившимися потребностями бизнеса и рынка.

2. Меры поддержки малого и среднего предпринимательства в регионе и перспективы его развития

Виды поддержки, оказываемые сектору малого и среднего бизнеса, включают государственную поддержку МСП; поддержку МСП в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП); и неправительственную поддержку малого и среднего бизнеса.

Инструментами государственной поддержки малого и среднего бизнеса являются документы и программы, разработанные и принятые на государственном уровне, которые обеспечивают благоприятные условия для развития малого и среднего бизнеса и оказывают эффективное содействие продвижению их товаров и услуг [1, с. 71-76].

Отличительными особенностями государственной поддержки малого и среднего бизнеса являются:

- подчиненный характер и правовое подчиненство;
- внешнее воздействие и наличие аппарата принуждения;
- неотделимость от механизма государственного управления;
- наличие как позитивных инструментов (льгот, стимулов и т. д.), так и негативных (мер государственного принуждения);
- наличие определенных фактических и юридических оснований для предоставления поддержки для достижения определенных целей предпринимательских структур;
- реализация видов поддержки в установленном процессуальном порядке;
- контроль за ходом реализации программ господдержки.

Астраханская область демонстрирует значительный потенциал в развитии малого бизнеса, что обусловлено ее выгодным географическим положением и развитой экономикой. Важно отметить, что малые предприятия играют ключевую роль в формировании местной экономики, создавая новые рабочие места и обеспечивая разнообразие товаров и услуг.

Влияние малых предприятий на экономическое развитие региона очевидно – благодаря высокому уровню экспортного потенциала и разнообразным направлениям деятельности, малый бизнес способствует не только

повышению конкурентоспособности, но и улучшению благосостояния населения. Власти Астраханской области намерены увеличить число занятых в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП) почти на треть, до 128 тысяч человек к 2025 году. Это станет возможным благодаря нацпроекту «МСП и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». На данный момент в области малый и средний бизнес является значимым работодателем, в котором трудятся более 100 тысяч человек, а зарегистрировано 32 тысяч субъектов МСП. Ожидается, что к концу 2024 года число занятых в этой сфере достигнет порядка 128 тыс. человек.

Высокими темпами растет число самозанятых астраханцев. Сегодня в Астраханской области работают более 54 тысячи самозанятых, что на 49% больше прошлого года. С 2020 года министерством экономического развития Астраханской области на ежегодной основе формируется реестр социальных предприятий. В регионе сегодня работают 129 социальных предпринимателей, это на 72% больше, чем в 2022 году. Также 106 социальных предприятий и молодых предпринимателей получили гранты на сумму 50,5 млн рублей, это на 84% больше 2022 года. Центр «Мой бизнес» оказал 12 тысяч услуг, на 18% больше прошлого года, для бизнес-сообщества региона, самозанятых и тех, кто планирует открыть свое дело. В 2023 году представителям бизнеса выдано 618 займов и поручительств на общую сумму 2,3 млрд рублей, это на 20% больше 2022 года.

Однако, несмотря на положительные тренды, существуют и серьезные проблемы, такие как привлечение инвестиций и необходимость поддержки конкурентоспособности. Рекомендации по улучшению ситуации в малом бизнесе, включая увеличение доли собственных средств, ответственности за оборачиваемость капитала, а также внимание к рентабельности, будут способствовать дальнейшему укреплению этой сферы.

Положительная динамика в обрабатывающих отраслях, особенно в машиностроении и производстве электрооборудования, явно демонстрирует возможность для расширения и оптимизации работы малых предприятий. Важно продолжать оказывать поддержку предпринимателям, внедряя новые технологии и расширяя доступ к финансированию. С учетом

всех фактов, можно с уверенностью утверждать, что при соблюдении рекомендаций и направлении усилий на решение существующих проблем, малый бизнес Астраханской области может стать мощным двигателем экономического роста и устойчивого процветания региона.

Анализ финансовой деятельности позволяет заметно увеличить эффективность работы и создать условия для дальнейшего развития. В Астраханской области активно разрабатываются различные государственные программы, направленные на поддержку малого предпринимательства.

Основные цели поддержки малого предпринимательства в регионе включают:

1. Вовлечение трудовых ресурсов в сферу малого бизнеса и активное создание новых рабочих мест, особенно в сельских районах.
2. Формирование, развитие и укрепление малого предпринимательства на всей территории Астраханской области.
3. Внедрение современных технологий и высокотехнологичного оборудования в малый бизнес для повышения конкурентоспособности продукции.

В течение года проводилась активная работа по информированию субъектов малого предпринимательства. Публиковались материалы, касающиеся актуальных вопросов, связанных с деятельностью малого бизнеса. Эти информации размещались на телевизионных каналах, на сайте Министерства экономического развития Астраханской области в разделе «Малый бизнес», а также в средствах массовой информации.

Были организованы российские и международные семинары, посвященные значимости и участию малого предпринимательства в стратегии социально-экономического развития региона.

Для обеспечения надежного функционирования и технического перевооружения в сфере высоких технологий было заключено соглашение с ОАО АКБ «Банк Москвы» для дальнейшего развития малого предпринимательства.

Основной сложностью для малого бизнеса является привлечение инвестиций для создания новых предприятий или увеличения действующих основных фондов. Ключевым фактором финансового благосостояния является стабильность и платежеспособность организаций,

которые должны своевременно выполнять свои краткосрочные обязательства.

Выручка от реализации товаров, работ и услуг является важным показателем, влияющим на результативность деятельности малых предприятий. Несмотря на ряд проблем, большинство из них демонстрируют хорошую конкурентоспособность.

Для повышения эффективности работы малого бизнеса в Астраханской области рекомендуется:

- Увеличить долю собственного оборотного капитала в стоимости имущества и обеспечить темпы его роста выше темпов роста заемного капитала;
- Повысить объем инвестиций в основной капитал и его долю в общем имуществе;
- Улучшить оборачиваемость оборотных средств;
- Обратить внимание на организацию производственного цикла и рентабельность продукции;
- Увеличить удельный вес высоколиквидных денежных средств в общем объеме;
- Сосредоточить внимание на повышении рентабельности капитала.

В обрабатывающих отраслях наблюдается позитивная тенденция. Производство увеличилось на 108%, что в первую очередь связано с высоким ростом в машиностроении (почти в 4 раза по сравнению с январем 2013 года), металлургии (в 3,5 раза) и производстве электрооборудования (125,4%).

Рост в машиностроении и электрооборудовании стал возможен благодаря увеличению объема услуг по монтажу, ремонту и техническому обслуживанию оборудования, которые выросли более чем в 5 раз, а услуги по техническому обслуживанию электродвигателей и трансформаторов возросли более чем в 2,5 раза.

Приятно осознавать, что экономическая ситуация в регионе в текущем году не только развивалась в заданном направлении, но и обозначила новые перспективы. Региональные поддерживающие программы для предпринимателей действуют с 2005 года. На сегодняшний день реализуется программа по развитию малого и среднего предпринимательства в Астраханской области является государственная программа «Экономическое развитие Астраханской области», утвержденная

постановлением Правительства Астраханской области от 16.12.2022 № 643-П. динамика в Астраханской области в малом бизнесе

Заключение

Малые и средние предприятия являются неотъемлемым элементом современной системы управления рынком, без которого экономика и общество в целом не могут эффективно развиваться.

В результате изучения теоретических основ государственной поддержки малого и среднего бизнеса было установлено, что существуют различные инструменты и механизмы поддержки, которые помогают предпринимателям развивать свой бизнес и улучшать экономическую ситуацию в регионе. Помимо финансовых субсидий и налоговых льгот, правительство также оказывает помочь в предоставлении консультационных услуг и бизнес-обучении.

В дополнение к финансовым субсидиям и налоговым льготам, государство оказывает поддержку через консультационные услуги и обучение для бизнеса. Однако стоит отметить, что внедрение государственной помощи может сталкиваться с определенными ограничениями, такими как финансовые рамки и нехватка квалифицированных специалистов. Поэтому крайне важно постоянно анализировать результаты и при необходимости адаптировать систему поддержки, чтобы эффективно решать проблемы, с которыми сталкиваются представители малого и среднего бизнеса (МСП).

В Астраханской области реализуется целостная государственная политика, направленная на развитие МСП, включающая ряд фискальных, финансовых, инфраструктурных и информационных мер. Местные власти активно занимаются поддержкой предпринимательства, и их инициатива более эффективна в сочетании с федеральными программами.

Исследование существующих систем поддержки МСП в регионе выявило несколько ключевых направлений, таких как создание государственной инфраструктуры, нормативно-правовая база, а также работа государственных институтов, ответственных за развитие малого бизнеса. К основным формам оказания помощи относятся кредиты, которые могут предоставляться как через бюджет, так и через банки с возможностью льготного налогообложения.

Анализ показал, что в последние годы в Астраханской области создаются благоприятные условия для этого сектора. Программы субсидирования и льготного кредитования значительно улучшили финансовое положение предпринимателей. К ним относятся долгосрочные программы государственной поддержки, а также аренда земельных участков для инновационных проектов. Однако проблемы, такие как административные барьеры и

недостаточная информированность, продолжают препятствовать полноценному развитию бизнеса.

Литература

1. Туаева Л.А., Бязрова М.А. Актуальные проблемы развития малого и среднего бизнеса в России на современном этапе // Модернизация экономики и управления. II Международная научно-практическая конференция. – Ставрополь: Ставролит, 2014. – С. 71-76.

IRTALIEVA Ilina Nurlanovna

Graduate Student,

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Russia, Astrakhan

ANALYSIS OF STATE SUPPORT MEASURES FOR SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE ASTRAKHAN REGION

Abstract. The article examines the peculiarities of the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation at the regional level using the example of the Astrakhan region. The socio-economic importance of the SME sector as a key factor in reducing unemployment, creating jobs and ensuring sustainable economic growth is substantiated. The dynamics of the main indicators of the development of small and medium-sized businesses in Astrakhan for 2021–2023 has been analyzed, and the main measures of municipal and regional business support, including property, financial, consulting and information tools, have been systematized.

Keywords: small and medium-sized enterprises, SMEs, government support, regional economy, municipal programs, employment, investments, entrepreneurial infrastructure.

КОЛТУНОВА Анна Владимировна

магистрантка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
кандидат социологических наук Шаповал Жанна Александровна*

РАЗВИТИЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию развития общего образования в России и в Белгородской области. В обсуждении рассматриваются основные тенденции и реформы, оценка качества образования, а также влияние внешних и внутренних факторов на образовательный процесс. Также особое внимание уделяется спецификам региона, включая социально-экономические условия и демографические изменения.

Ключевые слова: образование, общее образование, Белгородская область, образовательные реформы, качество образования.

«Направление, в котором человек начинает свое образование, определит его будущую жизнь»
Платон

Введение

Развитие общего образования в России, и, в частности, в Белгородской области, представляет собой важную и актуальную тему, отражающую стремления общества к качественному образованию и подготовке конкурентоспособных специалистов. В последние десятилетия образовательные реформы, направленные на повышение качества обучения, внедрение новых технологий и адаптацию учебных планов, были реализованы в различных регионах страны, включая Белгородскую область. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты развития общего образования, анализируются достижения и проблемы, с которыми сталкиваются образовательные учреждения, а также предлагаются направления для дальнейшего улучшения.

Объектом исследования является система общего образования в России и в Белгородской области, включая ее структуру, политики и результаты.

Предметом исследования являются практики и методы развития общего образования, а также влияние местных и национальных реформ на образовательные результаты.

Цель данного исследования заключается в анализе текущего состояния общего

образования в России и в Белгородской области, выявлении ключевых проблем и факторов, влияющих на его развитие, а также формулировании рекомендаций для улучшения образовательного процесса.

Методы исследования:

1. Анализ вторичных данных. Изучение существующих отчетов, статистических данных и исследований, касающихся общего образования в России и Белгородской области. Это позволяет выявить общие тенденции и контекст.
2. Качественные интервью. Проведение полуструктурированных интервью с педагогами, администраторами и экспертами в области образования для получения глубокого понимания их взглядов на существующие проблемы и достижения в системе образования.

3. Анкетирование. Разработка и проведение опросов среди учащихся, родителей и педагогов с целью сбора количественных данных о мнениях, удовлетворенности системой образования и выявления существующих проблем.

4. Фокус-группы. Организация обсуждений с различными группами (например, учителями, родителями и учащимися) для сбора качественной информации о барьерах и

возможностях в образовательном процессе, а также о потребностях участников.

5. Сравнительный анализ. Сравнение практик и результатов общего образования в Белгородской области с другими регионами России или странами с аналогичной системой для выявления успешных моделей и передового опыта.

Результаты исследования

В ходе исследования было выявлено, что несмотря на позитивные результаты, которые показывают рост успеваемости и внедрение новых технологий, существуют значительные препятствия, такие как недостаток ресурсов, различия в доступности образования в *urban* и *rural* зонах, а также необходимость повышения квалификации педагогических кадров. Выработка стратегий, направленных на улучшение качества образования, включая современные подходы к обучению и адаптацию учебных планов под потребности рынка труда, является ключевым направлением для будущих исследований и практических действий.

Система общего образования является краеугольным камнем в формировании будущего любой нации. Она не только передает знания и навыки, но и формирует гражданскую идентичность, нравственные ценности и культурные ориентиры молодого поколения. Образование – это мощный инструмент социального лифта, обеспечивающий возможности для личностного роста, профессиональной самореализации и участия в жизни общества. В России, с ее богатой историей и многообразием культур, система образования прошла долгий и сложный путь, отражая социально-политические и экономические изменения, происходящие в стране. Белгородская область, как неотъемлемая часть Российской Федерации, не только следует общероссийским тенденциям, но и вносит свой уникальный вклад в развитие образовательной системы, адаптируясь к региональным потребностям и используя инновационные подходы.

История общего образования в России – это летопись реформ, экспериментов и достижений. От скромных церковно-приходских школ, где обучение сводилось к чтению и письму, до современных многопрофильных образовательных комплексов, оснащенных передовым оборудованием и использующих инновационные методики преподавания, российская система образования прошла через ряд значительных трансформаций.

Реформы Петра I в начале XVIII века положили начало секуляризации образования и его ориентации на практические нужды государства. Были созданы первые государственные школы, готовившие специалистов для армии, флота и государственной службы. В период правления Екатерины II получила развитие система женского образования, были открыты первые институты благородных девиц, положившие начало формированию женской интеллигенции. В XIX веке, в эпоху правления Александра I, была проведена реформа, направленная на создание единой системы образования, включающей начальные, средние и высшие учебные заведения. Были открыты университеты в Казани, Харькове и Санкт-Петербурге, ставшие центрами научной и культурной жизни страны [1].

Важным этапом в развитии общего образования стало введение всеобщего начального образования в начале XX века. Несмотря на трудности, связанные с социально-экономической ситуацией в стране, этот шаг позволил значительно повысить уровень грамотности населения и заложить фундамент для дальнейшего развития системы образования. Советский период характеризовался централизацией управления, унификацией образовательных программ и идеологизацией содержания образования. Главной задачей советской школы была подготовка кадров для индустриализации страны и формирования нового, социалистического человека. Несмотря на недостатки, советская система образования обеспечила высокий уровень грамотности населения, подготовила квалифицированные кадры для различных отраслей экономики и внесла значительный вклад в развитие науки и техники. Однако, жесткая идеологическая направленность и ограничение свободы выбора не могли не сказаться на развитии личности и творческого потенциала учащихся.

Современный этап развития общего образования в России начался в 1990-е годы и характеризуется переходом к многообразию образовательных программ и учреждений, демократизацией управления и внедрением новых образовательных технологий. Этот период был отмечен переходом от унифицированной советской системы к многообразию образовательных моделей, программ и учебных планов. Появились частные школы, лицеи, гимназии, предлагающие различные образовательные услуги и ориентированные на разные

потребности учащихся. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [2] закрепил основные принципы государственной политики в сфере образования, включая общедоступность образования, его светский характер, свободу выбора образовательных организаций и программ. Закон определил права и обязанности участников образовательного процесса, установил новые требования к содержанию образования и организации учебного процесса. В настоящее время в России реализуются различные национальные проекты и программы, направленные на модернизацию системы образования, повышение качества обучения, поддержку талантливых детей и создание условий для инклюзивного образования. Эти проекты направлены на решение таких задач, как: обновление материально-технической базы школ, повышение квалификации учителей, внедрение современных образовательных технологий, развитие системы поддержки одаренных детей, создание условий для инклюзивного образования детей с особыми образовательными потребностями.

Белгородская область, как и другие регионы Российской Федерации, прошла через все этапы развития отечественного образования. После революции и гражданской войны в области была проведена работа по ликвидации неграмотности и созданию сети общеобразовательных школ. В советский период белгородское образование развивалось в соответствии с общесоюзными тенденциями, достигая значительных успехов в подготовке кадров для промышленности и сельского хозяйства. В послевоенные годы в области активно строились новые школы, развивалась система профессионального образования, создавались условия для повышения квалификации учителей.

Современный этап развития образования в Белгородской области характеризуется активным внедрением инновационных образовательных технологий, развитием системы профильного обучения, поддержкой одаренных детей и созданием условий для инклюзивного образования. В регионе реализуются различные программы и проекты, направленные на повышение качества образования и его доступности для всех категорий населения. Особое внимание уделяется развитию ИТ-образования и цифровых компетенций у школьников и педагогов. В области создаются центры цифрового образования «ИТ-куб», «Точки роста», «Кванториум» активно внедряются

электронные образовательные ресурсы и платформы [3]. Эти центры и платформы представляют школьникам и педагогам доступ к современным образовательным ресурсам, позволяют им осваивать новые технологии и развивать свои цифровые компетенции.

Одной из особенностей развития общего образования в Белгородской области является тесное сотрудничество образовательных учреждений с предприятиями и организациями региона. Это позволяет ориентировать образовательные программы на потребности рынка труда и готовить выпускников, обладающих необходимыми компетенциями для успешной профессиональной деятельности. В области реализуются проекты по дуальному образованию, когда теоретическое обучение в школе сочетается с практической подготовкой на предприятиях [4]. Это позволяет учащимся получить реальный опыт работы и приобрести навыки, необходимые для успешной карьеры.

Несмотря на достигнутые успехи, система общего образования в России и Белгородской области сталкивается с рядом вызовов. Одним из главных является обеспечение высокого качества образования для всех учащихся, независимо от их места жительства и социально-экономического положения. Необходимо дальнейшее развитие инфраструктуры образовательных учреждений, повышение квалификации педагогов, внедрение современных образовательных технологий и обеспечение равного доступа к качественному образованию для детей с особыми образовательными потребностями [5].

Проблема неравенства в доступе к качественному образованию является одной из наиболее острых в российской системе образования. Различия в финансировании школ, уровне подготовки учителей и доступности образовательных ресурсов приводят к тому, что учащиеся из разных регионов и социальных групп имеют неравные возможности для получения качественного образования. Решение этой проблемы требует комплексного подхода, включающего увеличение финансирования школ, повышение квалификации учителей, создание условий для инклюзивного образования и развитие системы поддержки одаренных детей.

Другим важным вызовом является подготовка выпускников к жизни в условиях быстро меняющегося мира. Необходимо развивать у школьников критическое мышление,

креативность, коммуникативные навыки и умение работать в команде. Важно формировать у них не только знания, но и умение применять их на практике, решать сложные проблемы и адаптироваться к новым условиям. В связи с этим, необходимо пересматривать содержание образования, внедрять новые методы обучения и развивать систему профессиональной ориентации [6].

Современный мир требует от выпускников не только знаний, но и умения их применять на практике, критически мыслить, креативно подходить к решению задач, эффективно общаться и работать в команде. Это требует пересмотра содержания образования, внедрения новых методов обучения, развития системы профессиональной ориентации и формирования у учащихся так называемых «мягких навыков» (soft skills).

Развитие цифровых технологий оказывает огромное влияние на систему образования. С одной стороны, цифровые технологии открывают новые возможности для обучения, делая его более интерактивным, доступным и персонализированным. С другой стороны, они ставят новые задачи перед педагогами и учащимися, требуя от них умения эффективно использовать цифровые инструменты и критически оценивать информацию, полученную из интернета [7].

Цифровизация образования предоставляет огромные возможности для повышения качества обучения, расширения доступа к образовательным ресурсам и персонализации образовательного процесса. Однако, внедрение цифровых технологий требует не только приобретения необходимого оборудования и программного обеспечения, но и подготовки учителей к работе в цифровой среде, разработки цифровых образовательных ресурсов и обеспечения безопасности учащихся в интернете.

Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием для системы образования во всем мире, включая Россию и Белгородскую область. Переход на дистанционное обучение выявил ряд проблем, связанных с обеспечением доступа к интернету и необходимому оборудованию для всех учащихся, а также с подготовкой педагогов к работе в онлайн-формате. Однако пандемия также дала импульс для развития цифровых образовательных технологий и внедрения новых форм обучения [8].

Пандемия COVID-19 вынудила образовательные учреждения по всему миру перейти на

дистанционное обучение. Этот опыт выявил ряд проблем, связанных с обеспечением доступа к интернету и необходимому оборудованию для всех учащихся, а также с подготовкой педагогов к работе в онлайн-формате. Однако, пандемия также дала импульс для развития цифровых образовательных технологий и внедрения новых форм обучения, таких как смешанное обучение, онлайн-курсы и вебинары.

В заключение следует отметить, что развитие общего образования в России и Белгородской области – это сложный и многогранный процесс, требующий постоянного внимания и усилий со стороны государства, общества и образовательного сообщества. Необходимо учитьывать исторический опыт, современные вызовы и перспективы развития, чтобы создать систему образования, отвечающую потребностям личности, общества и государства. Важно обеспечить высокое качество образования для всех учащихся, развивать у них необходимые компетенции для жизни в условиях быстро меняющегося мира и готовить их к активной гражданской позиции и успешной профессиональной деятельности. Развитие образования – это инвестиции в будущее России и Белгородской области, это залог их процветания и благополучия [9]. Дальнейшее развитие системы общего образования требует постоянного мониторинга потребностей общества и рынка труда, внедрения инновационных образовательных технологий, повышения квалификации учителей и обеспечения равного доступа к качественному образованию для всех учащихся. Только в этом случае система образования сможет успешно выполнять свою роль в формировании интеллектуального, культурного и нравственного потенциала нации и обеспечении устойчивого развития страны.

Литература

1. Пряникова В.Г., Равкин З.И. История образования и педагогической мысли [Текст]: учебник-справочник. Российская академия образования, Институт теории и истории педагогики. – Москва: Новая школа, 1995. – 95 с.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об образовании в Российской Федерации».
3. Губернатор и правительство Белгородской области (официальный сайт). Режим доступа: <https://belregion.ru/press/news/index.php?ID=106985> (дата обращения: 28.05.2025).

4. Дуальное обучение в российских регионах: модели, лучшие практики, возможности распространения. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dualnoe-obuchenie-v-rossiyskih-regionah-modeli-luchshie-praktiki-vozmozhnosti-rasprostraneniya/viewer> (дата обращения: 28.05.2025).
5. Статья 79. Организация получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья, инвалидами (детьми-инвалидами) (Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «Об образовании в Российской Федерации»).
6. Социокультурная модернизация образования как нелинейный процесс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-modernizatsiyaobrazovaniya-kak->
7. Цифровые технологии в образовании: проблемы, риски и перспективы. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-tehnologii-v-obrazovanii-problemy-riski-i-perspektivy> (дата обращения: 28.05.2025).
8. Карпенко М.П. Образование и пандемия. Первые уроки и предстоящая трансформация массового образования: монография / М.П. Карпенко; Академия компьютерных наук, БИОР «Умней», Ассоциация электронного обучения. – Москва: Изд-во АЭО, 2021. – 118 с.
9. Полетаев А.В. Российское образование в контексте международных показателей Сопостав. докл. / А.В. Полетаев, М.Л. Агранович, Л.Н. Жарова – М.: Аспект-пресс, 2003. – 48 с.

KOLTUNOVA Anna Vladimirovna

Graduate Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration of the Belgorod State National Research University,
Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna*

DEVELOPMENT OF GENERAL EDUCATION IN RUSSIA AND THE BELGOROD REGION

Abstract. *The article is devoted to the study of the development of general education in Russia and in the Belgorod region. The discussion examines the main trends and reforms, assessment of the quality of education, as well as the impact of external and internal factors on the educational process. Special attention is also paid to the specifics of the region, including socio-economic conditions and demographic changes.*

Keywords: *education, general education, Belgorod region, educational reforms, quality of education.*

КУЗНЕЦОВ Владислав Андреевич
технический директор,
ООО «Параллельные решения», Россия, г. Санкт-Петербург

КРАШЕНИННИКОВ Константин Иванович
исполнительный директор,
ООО «Параллельные решения», Россия, г. Санкт-Петербург

КУЛЕШ Николай Петрович
директор по развитию,
ООО «Параллельные решения», Россия, г. Санкт-Петербург

АНАЛИЗ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ПОЧЕМУ УСТАРЕВАЮТ ГЕНПЛАНЫ?

Аннотация. В статье исследуется парадокс быстрого морального устаревания генеральных планов городов при законодательно установленном длительном сроке их действия. Автор анализирует полный жизненный цикл градостроительного документа – от разработки и утверждения до корректировки и пересмотра. На основе системного подхода выявляются ключевые факторы, приводящие к потере актуальности генплана: динамика социально-экономических условий, инерционность процесса изменений, конфликт между стратегическим замыслом и тактическими решениями, а также изменения в законодательстве. В заключение предлагаются теоретические принципы адаптивного планирования, направленные на повышение устойчивости градостроительной документации к вызовам времени.

Ключевые слова: генеральный план, жизненный цикл документа, моральное устаревание, адаптивное планирование, градостроительная политика.

Введение

Генеральный план традиционно рассматривается как ключевой стратегический документ, определяющий долгосрочную пространственную логику развития территории. Законодательно закрепленный как документ, рассчитанный на десятилетия, он призван обеспечивать устойчивость, предсказуемость и комплексность градостроительных преобразований. Однако на практике повсеместно наблюдается парадоксальная ситуация: генпланы, формально оставаясь в силе, стремительно теряют свою актуальность, переставая адекватно отражать социально-экономические реалии и отвечать на возникающие вызовы. Этот разрыв между долгосрочным формальным статусом документа и его быстрым моральным устареванием создает хроническую дисфункцию в системе территориального управления, приводя к конфликтам интересов, неэффективному использованию ресурсов и спонтанной, зачастую хаотичной, застройке.

Актуальность исследования определяется необходимостью преодоления этой дисфункции. Классический генплан, по своей природе являющийся ригидной и «застывшей» моделью, не способен угнаться за ускоряющимися темпами изменений. Цифровизация, климатический кризис, трансформация мобильности и занятости – всё это делает его традиционный формат неэффективным. Вопрос, вынесенный в заголовок – «почему устаревают генпланы?» – перестает быть техническим и превращается в фундаментальную проблему современного градостроительного управления. Поиск ответа на него требует перехода от анализа содержания конкретных планов к исследованию самого жизненного цикла градостроительного документа как процесса, подверженного системным сбоям.

Целью данной статьи является выявление и системный анализ ключевых факторов, обуславливающих быстрое моральное устаревание генеральных планов, несмотря на их

декларируемую долгосрочность. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи:

1. Концептуализация жизненного цикла генерального плана как последовательности взаимосвязанных стадий: инициации, разработки, экспертизы и утверждения, реализации, мониторинга, корректировки/пересмотра.

2. Анализ «узких мест» и дисфункций на каждой из этих стадий, ведущих к потере связи документа с динамичной городской средой.

3. Классификация и оценка влияния ключевых групп факторов устаревания: внешних (динамика макроэкономической конъюнктуры, технологические прорывы, смена политических и законодательных парадигм) и внутренних (инерционность процедур, конфликт стратегического замысла с тактическими решениями, недофинансирование реализации).

4. Формулировка на основе проведенного анализа теоретических принципов адаптивного планирования, способных повысить устойчивость системы градостроительного проектирования к вызовам неопределенности.

Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассматривать генплан не как изолированный продукт, а как элемент сложной, динамичной системы градостроительного регулирования, взаимодействующий с политическими, экономическими и социальными подсистемами. В рамках этого подхода применяется анализ документов (нормативно-правовых актов, самих генпланов, отчетов об их реализации), а также метод «анализ конкретных ситуаций» для иллюстрации типичных проблем на примере конкретных муниципальных образований [3].

Теоретическая значимость работы заключается в развитии концепции жизненного цикла применительно к градостроительной документации и в углублении понимания механизмов институциональной инерции в сфере территориального планирования. Практическая ценность состоит в том, что выявленные факторы устаревания и предложенные принципы адаптивности могут быть использованы для модернизации процедур разработки, актуализации и реализации стратегических градостроительных документов, повышая их управленческую эффективность и общественную полезность [1, с. 274-279].

Таким образом, данная работа направлена на вскрытие коренных причин кризиса

традиционной модели долгосрочного планирования и на поиск концептуальных ориентиров для ее трансформации в условиях VUCA-мира (нестабильности, неопределенности, сложности и неоднозначности).

Ход исследования

Системный анализ жизненного цикла генерального плана: этапы, дисфункции и ключевые факторы устаревания

Для достижения поставленной цели – выявления причин морального устаревания генпланов – представляется методологически корректным рассмотреть генеральный план не как статичный документ, а как динамическую систему, проходящую в процессе своего существования ряд последовательных и взаимосвязанных стадий. Такой системный подход к жизненному циклу позволяет локализовать «узкие места» и классифицировать факторы, приводящие к потере актуальности документа. Жизненный цикл можно декомпозировать на четыре ключевые фазы:

1. Разработка и утверждение;
2. Реализация и оперативное управление;
3. Мониторинг и обратная связь;
4. Процедура актуализации.

Анализ каждой фазы выявляет накопление «энтропии» – расхождения между плановыми показателями и реальностью [2].

Фаза разработки и утверждения: закладка фундамента неопределенности

На этой стадии формируется исходная модель будущего, в которую изначально закладываются предпосылки для будущего устаревания:

- Детерминизм и линейность прогнозных сценариев. Классическая методология опирается на экстраполяцию трендов (демографических, экономических) и создание ограниченного числа сценариев («базовый», «консервативный», «инновационный»). В условиях нелинейности социально-экономических процессов такие прогнозы быстро теряют адекватность. План становится заложником «наиболее вероятного» сценария, не имея институциональных механизмов для переключения между ними при изменении внешних условий.

- Процедурная ригидность и временной лаг. Процесс разработки, согласования, проведения экспертиз и утверждения генплана чрезвычайно длителен (часто около года). К моменту обретения юридической силы документ уже отражает реалии 1,5–2-летней давности. За

этот период могут измениться ключевые параметры (например, приоритеты федеральной политики, макроэкономическая ситуация, технологические возможности), что делает отдельные положения плана нерелевантными еще на старте его реализации [5, с. 45-58].

- Конфликт стратегии и тактики в момент «старта». Утвержденный генплан часто вступает в противоречие с уже принятymi и реализуемыми решениями в сфере землепользования и застройки (например, выданными разрешениями на строительство, утвержденными проектами планировки территории), которые были инициированы в период его отсутствия. Таким образом, план начинает «догонять» уже сложившуюся практику, а не задавать ей вектор.

Фаза реализации и оперативного управления: накопление отклонений

Данная фаза характеризуется наибольшим объемом ежедневных управлеченческих решений, которые в совокупности определяют реальную траекторию развития, часто отличную от запланированной:

- Приоритет тактических решений над стратегическими. Муниципальные власти, находясь под давлением текущих проблем (дефицит бюджета, потребность в новых рабочих местах, решение жилищных вопросов), вынуждены принимать решения, отклоняющиеся от генплана (например, упрощенное изменение вида разрешенного использования земли для привлечения инвестора). Каждое такое решение, будучи локально логичным, в совокупности ведет к эрозии целостности стратегического замысла.

• Дефицит инструментов синхронизации. Отсутствует эффективный механизм согласования вновь принимаемых документов территориального планирования более низкого уровня (проекты планировки, межевания) с генеральным планом в режиме реального времени. Процесс носит зачастую формальный, а не содержательный характер.

• Неопределенность финансирования. Генплан, как правило, не имеет жесткой финансовой (инвестиционной) привязки. Реализация его мероприятий зависит от конъюнктурных бюджетных возможностей и частных инвестиций, которые следуют своей логике, а не логике плана. Это приводит к фрагментарной, «точечной» реализации, нарушающей принцип комплексности.

Фаза мониторинга и обратной связи: институциональная «глухота»

Данная фаза является критически важной для адаптации плана, однако на практике она оказывается наиболее слабым звеном [4]:

- Формальный характер мониторинга. Существующий мониторинг реализации генплана часто сводится к сбору отчетных статистических показателей без глубокого причинно-следственного анализа отклонений. Он фиксирует что произошло, но не объясняет почему и к каким последствиям для стратегии это ведет.
- Отсутствие четких индикаторов и «красных линий». В документе редко устанавливаются количественные пороговые значения ключевых показателей (например, предельная нагрузка на инфраструктуру, минимальный показатель обеспеченности зелеными насаждениями), при достижении которых требуется немедленная корректировка стратегии. Нет системы раннего предупреждения.

• Разрыв между данными и управлением. Информация, полученная в ходе мониторинга, слабо интегрирована в процесс принятия текущих управлеченческих решений. Возникает ситуация, когда данные об отклонениях есть, но институциональные процедуры для их оперативного учета отсутствуют.

Фаза актуализации: инерционность и политическая стоимость изменений

Процедура внесения изменений в генплан столь же сложна и длительна, как и его первоначальное принятие, что создает мощный барьер для его своевременной корректировки [6, с. 38-49; 7]:

- Высокая транзакционная стоимость изменений. Процедура пересмотра требует повторного прохождения почти всех стадий утверждения, включая публичные слушания, что требует значительных временных, административных и политических ресурсов. Власти предпочитают накапливать отклонения, чем регулярно инициировать сложную и потенциально конфликтную процедуру.

• «Системный сбой» как триггер. Фактическим триггером для актуализации становится не накопление количественных отклонений, а возникновение острого системного кризиса или конфликта (например, полная исчерпанность ресурсов инфраструктуры, массовые общественные протесты против застройки),

когда план уже окончательно утратил связь с реальностью.

- Политическая обусловленность. Решение о начале процедуры изменений часто является не техническим, а политическим, так как затрагивает интересы крупных собственников и девелоперов, а также может быть воспринято

как признание ошибок предыдущей администрации.

Классификация ключевых факторов устаревания

На основе проведенного фазового анализа можно систематизировать факторы устаревания по двум основным группам:

Таблица

Факторы устаревания

Группа факторов	Конкретные факторы	Стадия жизненного цикла, на которой проявляются
Экзогенные (внешние)	<ul style="list-style-type: none"> • Динамика макроэкономической конъюнктуры; • Технологические прорывы (цифровизация, новые ПО, транспорт); • Изменение федерального и регионального законодательства; • Климатические изменения и новые экологические требования; • Непредсказуемые форс-мажоры (пандемии, геополитические кризисы) 	Все стадии, но особенно критичны на стадиях реализации и мониторинга.
Эндогенные (внутренние, системные)	<ul style="list-style-type: none"> • Методологические: линейность прогнозов, отсутствие сценарного моделирования. • Процедурные: длительность и ригидность процессов утверждения и изменений. • Управленческие: конфликт стратегических и тактических целей, отсутствие финансовой привязки. • Информационные: несовершенство системы мониторинга и обратной связи. • Политические: высокая политическая стоимость изменений. 	Заложены на стадии разработки, проявляются и усиливаются на всех последующих.

Таким образом, проблема устаревания не является случайной или единичной. Это системное свойство традиционной модели планирования, происходящее из несоответствия ее медленных, линейных и ригидных процедур – динамичной, нелинейной и сложной среде современного города. Накопление расхождений между планом и реальностью происходит на всех стадиях его жизни, а существующие институциональные механизмы оказываются неспособными ни предотвратить это накопление, ни обеспечить своевременную и безболезненную корректировку курса. Этот вывод закономерно подводит к необходимости поиска новой парадигмы, способной интегрировать адаптивность в саму структуру градостроительного управления.

Принципы и инструменты адаптивного территориального планирования как ответ на вызовы неопределенности

Выявленные системные дисфункции требуют не эволюционной модернизации, а

пересмотря базовых принципов организации процесса планирования. В качестве концептуальной основы предлагается модель адаптивного территориального планирования (АТП), ключевой характеристикой которой является способность к непрерывной, итеративной корректировке целей и средств в ответ на изменения внешней и внутренней среды при сохранении общей стратегической направленности. Ее реализация базируется на следующих взаимосвязанных принципах:

1. Принцип сценарности и рамочного регулирования

Необходим отказ от единственного «верного» плана в пользу набора альтернативных сценариев будущего развития.

Инструментарий: разработка 3-4 качественно различных сценариев (например, «Компактный технологичный город», «Равномерно-распределенный зеленый каркас», «Специализированный кластерный центр»), каждый из которых представляет собой

целостную логику пространственного развития. Генеральный план трансформируется из детализированного предписания в рамочный документ, устанавливающий:

- Жесткие ограничения («красные линии»): неприкосновенные территории (объекты культурного наследия, ценные экологические ландшафты, зоны с высокой опасностью ЧС) [8, с. 32-39].
- Гибкие направления развития: пучки возможных траекторий для разных частей исследуемой территории, привязанные к условиям реализации того или иного сценария.
- Систему индикаторов и пороговых значений, отслеживание которых определяет, какой сценарий актуализируется.

2. Принцип модульности и гибкого зонирования

Пространство города должно быть структурировано как совокупность взаимосвязанных, но обладающих определенной автономией модулей (например, планировочных районов, транспортно-пересадочных узлов).

Инструментарий:

- Переход от единого документа к иерархической системе планов: рамочный генплан верхнего уровня дополняется пакетом стратегических программ развития для ключевых модулей (например, программа развития бывшей промзоны, программа реновации исторического центра). Эти программы имеют собственные, более короткие жизненные циклы и могут оперативно актуализироваться.
- Введение гибких/комбинированных видов разрешенного использования (ВРИ): замена жестких зон на зоны с основным и условно разрешенными ВРИ, а также введение планировочных кодов (form-based codes), которые регулируют не функцию, а физические параметры застройки (высоту, линию застройки, прозрачность первых этажей), что позволяет функции эволюционировать при сохранении качества среды.

3. Принцип непрерывного мониторинга и управления на основе данных (Data-Driven Planning)

Адаптивность невозможна без превращения мониторинга из формальной отчетности в источник оперативной управлеченческой информации.

Инструментарий:

- Создание цифрового двойника территории (Digital Twin): интегральная геоинформационная модель, агрегирующая данные о состоянии инфраструктуры, землепользовании,

транспортных потоках, экологической обстановке, социальной активности в реальном времени. В данный момент несколько регионов РФ внедряют данный инструмент, однако данные об эффективности практически отсутствуют [9].

- Внедрение панели стратегических индикаторов (Dashboard): визуализация ключевых показателей (КПИ), отслеживающих выполнение стратегических целей. Автоматическое оповещение при приближении к «красным линиям».

- Использование методов прогнозной аналитики: применение технологий больших данных и ИИ для моделирования последствий принимаемых решений (например, как повлияет новый жилой комплекс на транспортную нагрузку или социальную инфраструктуру) до его утверждения.

4. Принцип «постоянной частичной ревизии» и облегченных процедур

Необходимо декриминализировать и упростить процесс внесения изменений, сделав его регулярной управленческой практикой, а не чрезвычайным событием.

Инструментарий:

- Циклический итеративный пересмотр: установление фиксированного короткого цикла (например, раз в 2-3 года) для обязательной содержательной ревизии не всего генплана, а его ключевых модулей и индикаторов. Это превращает актуализацию в рутинную процедуру.

- Дифференциация процедур изменений: введение двухуровневой системы: оперативные корректировки: упрощенная процедура для изменений, не затрагивающих «красные линии» и не меняющих выбранный сценарий (например, уточнение границ в рамках установленных правил); стратегические изменения: полноценная процедура для смены сценария или пересмотра «красных линий».

- Создание постоянно действующей межведомственной рабочей группы по мониторингу и актуализации плана, наделенной соответствующими полномочиями.

5. Принцип открытости и со-управления

Повышение устойчивости плана требует легитимации не только через формальное утверждение, но и через постоянное общественное участие.

Инструментарий:

- Публичная цифровая платформа: обеспечение открытого доступа к актуальной

версии плана, данным мониторинга, моделям прогнозной аналитики.

- Проведение регулярных форсайт-сессий и воркшопов с участием экспертов, бизнеса и активных граждан для совместного обсуждения трендов и корректировки сценариев.

- Механизмы общественного аудита реализации крупных проектов и программ развития.

Предлагаемые принципы и инструменты формируют логичный ответ на выявленные системные сбои. Они переводят планирование из парадигмы «разработать-утвердить-реализовать» в парадигму «спрогнозировать-задать рамки-мониторить-адаптировать». Ключевым становится не создание идеального конечного образа, а проектирование и поддержание устойчивой и обучающейся системы управления пространственным развитием, способной эффективно действовать в условиях перманентной неопределенности. Реализация данной модели требует существенной перестройки нормативной базы, административных процедур и профессиональной культуры планировщиков, что является предметом отдельного исследования.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило исходный тезис о системном характере проблемы морального устаревания генеральных планов. Достигнута поставленная цель – выявлены и проанализированы ключевые факторы, обуславливающие стремительную потерю актуальности стратегических градостроительных документов вопреки их формально долгосрочному статусу.

Реализация задач исследования позволила последовательно раскрыть механизм этого явления. Концептуализация жизненного цикла генерального плана продемонстрировала, что устаревание не является случайным событием, а представляет собой закономерный результат накопления дисфункций на всех его стадиях: от закладки в основу разработки линейных и детерминированных прогнозов, через приоритет тактических решений в ходе реализации и формальный мониторинг, вплоть до процедурной и политической блокировки своевременной актуализации. Ключевым выводом является то, что традиционная модель планирования, основанная на создании статичного «идеального конечного образа» территории, в принципе несовместима с динамикой современного VUCA-мира, характеризующегося

нестабильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью.

В качестве ответа на выявленные системные вызовы в работе предложена концептуальная рамка адаптивного территориального планирования (АТП). Ее основные принципы – сценарийность и рамочное регулирование, модульность, непрерывный data-driven мониторинг, облегченные процедуры «постоянной частичной ревизии» и открытость – формируют целостную альтернативу. Эти принципы направлены на трансформацию генплана из жесткого предписания в динамическую систему управления, способную к непрерывной итеративной корректировке средств и даже целей в ответ на изменения внешней и внутренней среды, при сохранении стратегической направленности и соблюдении установленных «красных линий».

Таким образом, практическая значимость исследования заключается в определении конкретных направлений модернизации градостроительной политики и нормативно-правовой базы. Перспектива дальнейших разработок лежит в области детальной проработки механизмов внедрения предложенных инструментов (планировочных кодов, цифровых двойников, панелей индикаторов), а также в изучении институциональных условий, необходимых для перехода от парадигмы «раз и навсегда» утвержденного плана к парадигме непрерывного адаптивного управления пространственным развитием.

Литература

1. Batty M. Big data, smart cities and city planning / M. Batty // Dialogues in Human Geography. – 2013. – Vol. 3, № 3. – P. 274-279.
2. Блинников М.С. География расселения / М. С. Блинников. – Москва: Академия, 2006. – 384 с.
3. Глазычев В.Л. Урбанистика / В.Л. Глазычев. – Москва: Европа, 2010. – 220 с.
4. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities / J. Jacobs. – New York: Random House, 1961. – 458 р.
5. Каган М.С. Город и культура / М.С. Каган, Е.В. Литовка // Культурологические исследования. – 2014. – № 2 (8). – С. 45-58.
6. Meerow S. Defining urban resilience: A review / S. Meerow, J.P. Newell, M. Stults // Landscape and Urban Planning. – 2016. – Vol. 147. – P. 38-49.
7. Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ.

Рекомендации по обеспечению устойчивого развития территорий / Минстрой России. – Москва, 2017. – 65 с.

8. Савельева О.В. Проблемы реализации генеральных планов городских округов в современных условиях / О.В. Савельева //

Архитектура и строительство России. – 2018. – № 9. – С. 32-39.

9. Шишкин В.В. Стратегическое планирование развития городов: теория и практика / В.В. Шишкин. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2015. – 312 с.

KUZNETSOV Vladislav Andreevich

Technical Director, Parallel Solutions LLC, Russia, St. Petersburg

KRASHENINNIKOV Konstantin Ivanovich

Executive Director, Parallel Solutions LLC, Russia, St. Petersburg

KULESH Nikolay Petrovich

Development Director, Parallel Solutions LLC, Russia, St. Petersburg

ANALYSIS OF THE URBAN PLANNING DOCUMENT LIFE CYCLE: WHY DO MASTER PLANS BECOME OBSOLETE?

Abstract. The article explores the paradox of the rapid obsolescence of city master plans despite their legally established long-term validity. The author analyzes the full life cycle of an urban planning document—from development and approval to modification and revision. Using a systems approach, the key factors leading to the loss of a master plan's relevance are identified: the dynamics of socio-economic conditions, the inertia of the amendment process, the conflict between strategic vision and tactical decisions, and changes in legislation. In conclusion, theoretical principles of adaptive planning are proposed, aimed at increasing the resilience of urban planning documentation to the challenges of time.

Keywords: master plan, document life cycle, obsolescence, adaptive planning, urban planning policy.

МИЩЕНКО Татьяна Сергеевна

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
кандидат социологических наук Шаповал Жанна Александровна*

УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ПОВЫШЕНИЕ ПРОЗРАЧНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию сущности и задач управления изменениями в сфере государственных закупок как важного инструмента повышения прозрачности и эффективности. Рассмотрены основные задачи управления изменениями, объекты управления, этапы внедрения изменений, а также инструменты и методы управления изменениями. Обоснована роль управления изменениями в повышении прозрачности и эффективности государственных закупок, а также в снижении коррупционных рисков.

Ключевые слова: управление изменениями, государственные закупки, прозрачность, эффективность, нормативно-правовая база, информационные технологии, обучение персонала, анализ рисков, мониторинг изменений, заинтересованные стороны.

В условиях современной экономики, где приоритет отдается эффективному использованию бюджетных средств и достижению целей государственной политики, управление изменениями в сфере государственных закупок занимает ключевую позицию. Этот процесс трансформируется в интегральный компонент системы управления, обеспечивая не только контроль соответствия закупочных процедур установленным нормам, но и комплексный анализ результативности, экономичности и целесообразности осуществляемых изменений [1].

С методологической точки зрения, управление изменениями в госзакупках представляет собой комплексную деятельность, нацеленную на повышение прозрачности закупочных процедур, оптимизацию процессов, внедрение современных технологий и профилактику коррупции. Его конечной целью является создание эффективной и прозрачной системы государственных закупок, обеспечивающей оптимальное использование бюджетных средств и удовлетворение потребностей государства [4].

Управление изменениями в сфере госзакупок – это целенаправленная деятельность по внедрению новых процедур, технологий и подходов с целью повышения прозрачности,

эффективности и конкурентоспособности системы. Основная цель управления изменениями – предоставление органам власти и обществу уверенности в том, что государственные ресурсы используются эффективно и результативно.

В отличие от поддержания стабильности и рутинной работы, управление изменениями ориентировано на внедрение новшеств, преодоление сопротивления изменениям и создание условий для адаптации системы закупок к новым вызовам. Оно анализирует не только соответствие текущих процедур установленным требованиям, но и потенциал для их улучшения и оптимизации.

Управление изменениями в сфере госзакупок представляет собой системный процесс. Он направлен на совершенствование нормативно-правовой базы, оптимизацию закупочных процедур, внедрение информационных технологий, развитие компетенций персонала и усиление контроля. Основная цель такой работы – не просто адаптация к новым требованиям, а создание современной и эффективной системы закупок, отвечающей потребностям государства и общества.

Для выявления сущности рассмотрим более подробно этапы проведения управления

изменениями. Процесс управления изменениями состоит из следующих этапов:

- Планирование изменений: определение целей и задач изменений, разработка плана-графика изменений, установление сроков и ресурсов, необходимых для проведения изменений.
- Анализ текущей ситуации: сбор информации о текущих процессах в сфере закупок, анализ проблемных зон, выявление потребностей в изменениях.
- Разработка решений: разработка новых процедур, технологий и подходов, направленных на повышение прозрачности и эффективности закупок.

- Внедрение изменений: внедрение новых процедур и технологий, обучение персонала, мониторинг хода внедрения изменений.

- Оценка результатов: оценка эффективности внедренных изменений, анализ достигнутых результатов, выявление проблем и корректировка плана.

- Поддержание изменений: поддержание новой системы закупок, постоянное совершенствование процедур и технологий, адаптация к новым вызовам.

Представим условную таблицу (табл.) с примерами применяемых инструментов и методов для управления изменениями:

Таблица

Инструменты и методы для управления изменениями в госзакупках [5]

Этап управления изменениями	Инструменты и методы
Планирование изменений	Анализ проблем, SWOT-анализ, разработка дорожной карты изменений, формирование проектной команды
Анализ текущей ситуации	Анализ нормативных документов, интервью с участниками закупок, анализ данных о закупках, бенчмаркинг (сравнение с лучшими практиками)
Разработка решений	Мозговой штурм, разработка новых регламентов и процедур, разработка технических заданий для информационных систем, оценка вариантов решений
Внедрение изменений	Обучение персонала, коммуникационная стратегия, пилотные проекты, автоматизация процессов, разработка инструкций и методических материалов
Оценка результатов	KPI (ключевые показатели эффективности), опросы участников закупок, аудит эффективности осуществленных изменений, анализ статистических данных о закупках
Поддержание изменений	Система мониторинга и контроля, система мотивации персонала, постоянное совершенствование процедур, адаптация к новым нормативным требованиям и технологиям, обратная связь

Управление изменениями реализуется как последовательный процесс, на каждом этапе которого применяются специализированные инструменты и методы – от планирования (SWOT-анализ) до оценки (анализ KPI). Вся эта работа в конечном итоге направлена на формирование конкретных, обоснованных решений по улучшению системы государственных закупок и повышению ее эффективности.

Заключение

Управление изменениями в сфере государственных закупок, таким образом, представляет собой неотъемлемую часть современной системы государственного управления, направленную на оптимизацию использования бюджетных ресурсов и достижение целей государственной политики. В отличие от

поддержания статус-кво, управление изменениями фокусируется на внедрении новшеств, преодолении сопротивления и создании условий для постоянного совершенствования системы закупок.

Применение методов управления изменениями позволяет органам власти не только выявлять недостатки в текущих процедурах, но и разрабатывать конкретные решения по их устранению, оптимизации процессов и снижению коррупционных рисков. Это, в свою очередь, способствует повышению прозрачности закупок, экономии бюджетных средств и более эффективному достижению целей государственных программ.

В условиях динамично меняющейся экономической среды, характеризующейся

усилением требований к эффективности и прозрачности государственного управления, управление изменениями становится все более востребованным инструментом. Он позволяет организациям оперативно адаптироваться к новым вызовам, эффективно использовать имеющиеся ресурсы и достигать поставленных целей с минимальными затратами.

Перспективы развития управления изменениями в сфере государственных закупок связаны с совершенствованием его методологии, расширением сферы применения и интеграцией с другими инструментами управления и контроля. Необходимость постоянного повышения квалификации специалистов в области управления изменениями, а также внедрение современных информационных технологий и аналитических методов, позволит более эффективно выявлять резервы повышения результативности и экономичности деятельности организаций, способствуя их устойчивому развитию и процветанию.

Литература

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – URL: [\[https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/\]](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/).
2. Иванов А.П. Управление изменениями в государственных закупках: теория и практика / А.П. Иванов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2023. – № 3. – С. 56-65.
3. Петрова О.В. Экономический анализ эффективности государственных закупок [Текст]: учебное пособие / О.В. Петрова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Изд-во «Кно-Рус», 2024. – 400 с.
4. Сидоров В.П. Инструменты и методы управления изменениями в сфере государственных закупок. – СПб: Питер, 2021. – 272 с.
5. Шеремет А.Д., Суйц В.П. Аудит государственных закупок: учебник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 448 с.

MISHCHENKO Tatiana Sergeevna

Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration of the Belgorod State National Research University, Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna

CHANGE MANAGEMENT IN PUBLIC PROCUREMENT: INCREASING TRANSPARENCY AND EFFICIENCY

Abstract. The article is devoted to the study of the essence and tasks of change management in the field of public procurement as an important tool for increasing transparency and efficiency. The main tasks of change management, management objects, stages of change implementation, as well as tools and methods of change management are considered. The role of change management in increasing transparency and efficiency of public procurement, as well as in reducing corruption risks, is substantiated.

Keywords: change management, public procurement, transparency, efficiency, regulatory framework, information technology, staff training, risk analysis, monitoring of changes, stakeholders.

МУРАВКИНА Дарья Михайловна

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
кандидат социологических наук Шаповал Жанна Александровна*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АНТИКРИЗИСНЫЕ ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ В РОССИИ

Аннотация. В статье предпринята попытка изучить особенности и возможности антикризисных механизмов в системе государственного управления. В работе рассматриваются ключевые антикризисные программы, применяемые российским государством в условиях экономической и социальной рискованности, обусловленной санкционным давлением. Анализируются наиболее эффективные подходы, направленные на стабилизацию экономики, поддержку ключевых отраслей и улучшение социального климата. На основе исследования предложены меры, которые могут повысить эффективность программных мероприятий в системе управления кризисными ситуациями на государственном уровне.

Ключевые слова: система государственного управления, кризис, антикризисное управление, программа, проект.

Введение

Сегодня, одной из главных проблем глобализации стала растущая дестабилизация и частые экономические кризисы. Преодоление кризисных ситуаций является особенно сложной задачей для любой экономики. Традиционная функция управления по обеспечению социально-экономического роста и безопасности страны возрастает в чрезвычайных условиях, таких как резкие экономические колебания и кризисы. В таких условиях резко активизируются функции централизованного управления.

В Российской Федерации процесс глобализации сталкивается с дополнительными вызовами. С одной стороны, российская экономика стала свидетелем перехода от традиционных чисто экономических инструментов к программным механизмам социально-экономического развития. С другой, санкционное влияние осложнило положительные тенденции развития многих кластеров социально-экономического системы государства. В ответ на эти изменения правительство и бизнес структуры изменили устоявшиеся антикризисные стратегии, сделав упор на программно-проектные мероприятия.

Методология

С учетом обозначенной цели научного исследования и для ее достижения были использованы следующие методы научного исследования: описательный метод, метод системного анализа, синтеза, диалектический метод, а также методы дедукции и индукции. С помощью этих методов исследования удалось сформировать комплексное представление об использовании программных мероприятий в антикризисном управлении государством, а также сформулировать практические рекомендации о том, как избежать развития проблем и рисков, которые могут сопровождать неэффективная реализация антикризисных стратегий в национальных целях.

Результаты.

Кризисы, как экономического, так и социального характера, могут возникать внезапно и иметь разрушительные последствия для общества, если государство не реагирует на них быстро и эффективно. В мировой практике применяются различные подходы к антикризисному управлению, которые включают фискальные и монетарные стимулы, меры социальной поддержки и программы помощи частному сектору. Однако эффективность этих мер

может сильно различаться в зависимости от уровня развития страны, её политической структуры и экономических возможностей.

Одним из основополагающих инструментов преодоления кризисных ситуаций, является разработка и реализация антикризисных программных мероприятий. Антикризисные программы, безусловно, являются важным инструментом смягчения негативных эффектов кризисов и обеспечения дальнейшего развития экономики и бизнеса. Антикризисные программы представляют собой комплекс мер, направленных на стабилизацию и восстановление экономики, предприятий или социальной сферы в условиях кризиса. Они могут разрабатываться как на государственном уровне, так и внутри компаний.

Антикризисные программы государства могут включать:

- поддержку реального сектора экономики. Инвестиционные программы, поддержка крупных компаний и предприятий-экспортёров.
- смягчение фискальной политики. Упрощение налогового администрирования, повышение порога налогообложения.
- снижение административных барьеров. Например, размещение государственных заказов, помочь в создании инфраструктуры бизнеса.
- социальную поддержку. Защита высвобождающихся работников, создание новых рабочих мест, выплата социальных пособий.
- денежно-кредитную политику. Укрепление национальной валюты, стабилизация инфляционных и девальвационных процессов.

В России антикризисные программы и проекты являются эффективным инструментом борьбы с санкциями. Санкционное давление на Россию, которое представляет собой комплекс экономических, финансовых и политических ограничений, введённых рядом стран (в первую очередь США, Евросоюзом, Великобританией и рядом других государств) в ответ на её внешнеполитические действия. В марте 2022 года правительство оперативно разработало и реализовало План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления [3, с. 31].

Данное обстоятельство, которое продолжает оказывать комплексное давление на

российскую экономику, сдвигая её в сторону большей изоляции, стимулируя развитие внутреннего производства и поиск новых экономических связей, обусловило необходимость разработки программного инструментария регулирования данной ситуации. В ответ на санкционное давление Россия реализует комплекс программ и мер, направленных на снижение зависимости от импорта, укрепление экономики и поддержание финансовой стабильности.

Отметим, что в связи с недружественными и противоречащими международному праву действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций, связанными с введением ограничительных мер в отношении граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, в целях защиты национальных интересов Российской Федерации были приняты ряд законодательных актов регулирующих защитные меры [1].

В марте 2022 года правительство оперативно разработало и реализовало План первоочередных действий по обеспечению развития российской экономики в условиях внешнего санкционного давления. Этот антикризисный план дорабатывался Минэкономразвития поэтапно, с учетом текущей ситуации и предложений Федеральных органов исполнительной власти России, Федерального собрания, Банка России, бизнеса и граждан [2, с. 16].

Также у правительства посредством реализации проектных мероприятий получилось обеспечить максимальную свободу хозяйственной деятельности внутри страны – более 2,5 миллиона лицензий и разрешений продлили автоматически, более 240 тысяч проверок отменили в рамках моратория, 19,5 миллиарда процентных платежей списали заемщиками по кредитам с плавающими ставками.

Была организована бесперебойная работа предприятий – выстроены новые логистические и производственные цепочки, компании обеспечены оборотными средствами. По 5 программам льготного кредитования системообразующих организаций предприятиям выдали более 1,45 триллиона рублей, а по трем программам льготного кредитования МСП выдали более 1 триллиона рублей [4].

Также в России появился зеленый коридор для импорта – с этого момента по

«параллельному импорту» в стране ввезли товаров на 26,3 миллиарда долларов, по упрощенной схеме зарегистрировали свыше 28 тысяч деклараций. Объем экономии импортеров на пошлинах за март-декабрь составил 107 миллиардов рублей. Среди прочих достижений – поддержка отдельных отраслей, сохранение бюджетной стабильности регионов, сохранение занятости населения и поддержка доходов граждан [4].

Проведя анализ основных направлений реализации антикризисных государственных механизмов, можно выделить программы, которые сейчас реализуются в России для преодоления санкционного воздействия и поддержки экономики:

Импортозамещение:

- программа импортозамещения, направленная на развитие отечественного производства в ключевых отраслях: машиностроении, химической промышленности, сельском хозяйстве, ИТ и др.;
- финансовая поддержка предприятий через субсидии, льготные кредиты и налоговые преференции.

Национальная цифровая экономика:

- программа «Цифровая экономика РФ», которая стимулирует развитие отечественного ПО, ИТ-инфраструктуры и технологий искусственного интеллекта;
- создание национальных платформ и усиление кибербезопасности.

Сельское хозяйство и агропромышленный комплекс:

- программа развития АПК, которая предусматривает гранты и поддержку на модернизацию оборудования, развитие экспорта и повышение продовольственной безопасности.

Финансовая стабилизация:

- меры Центробанка РФ и Минфина по укреплению рубля и контролю валютных операций;
- развитие национальной платежной системы «Мир» и стимулирование расчётов в рублях с зарубежными партнёрами.

Научно-технологическое развитие:

- ФЦП (Федеральные целевые программы) по развитию науки, инноваций и высоких технологий, например, в фармацевтике, микроэлектронике и энергетике;

- создание технопарков и развитие исследовательских центров.

Диверсификация внешней торговли:

- стратегия развития экономических связей со странами Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки.
- внедрение новых транспортных маршрутов (Северный морской путь).

Эти программы призваны повысить экономическую устойчивость России, снизить зависимость от импорта и адаптировать экономику к новым геополитическим условиям.

Таким образом, программы и проекты преодоления санкционного воздействия в России ориентированы на создание более автономной и устойчивой экономической системы, способной функционировать в условиях ограничения доступа к западным технологиям и финансам. Тем не менее процесс импортозамещения и экономической перестройки требует времени и значительных ресурсов.

По нашему мнению, государственные антикризисные программы должны отражать стратегию прогнозирования и моделирования последствий кризисных ситуаций. Это должно быть направлено на обеспечение стабильного развития социально-экономического потенциала. Особенно важно обеспечить экономическую безопасность, стабилизировать процесс развития и уровень жизни, поддержать малый и средний бизнес, повысить экономическую свободу, обеспечить эффективное распределение рабочей силы и капитала. Эти меры направлены на обеспечение устойчивого экономического роста, снижение социальных рисков и повышение устойчивости государства перед внутренними и внешними вызовами.

Заключение

В сегодняшнем динамичном мире современные глобальные системы пересматривают стандарты и приоритеты национальной экономической политики. Экономический статус стран существенно меняется в результате их участия в этих системах. В результате этих изменений современная российская экономика характеризуется распространением регионализма и появлением пространственных экономических структур. Таким образом, в настоящее время важнейшей целью экономической политики России является обеспечение и прогнозирование стабильного развития.

Пример санкционной политики, которая направлена на дестабилизацию социально-экономических показателей в России показал, что отечественные антикризисные стратегии должны учитывать несколько факторов. Во-первых, становится невозможным разработать единую унифицированную модель программного антикризисного управления. Даже в контексте важной экономической и финансовой глобализации нынешняя децентрализация и новые пространственные экономические процессы требуют от нашего государства поиска баланса между местными приоритетами и глобальными интересами. Во-вторых, роль неэкономических факторов, вызывающих кризис, возрастает по сравнению с экономическими детерминантами.

Именно поэтому государственные программы и проекты должны быть направлены не только на восстановление экономики, но и на восстановление социальной, культурной и экологической сфер. В-третьих, становится трудно правильно предсказать последствия кризиса и, следовательно, эффективность антикризисной программной стратегии. Следовательно, успех посткризисного восстановления экономики в значительной степени зависит не только от эффективной реализации государственных

программ, но и в целом от внутренних рынков преодолевать негативные последствия санкционного давления.

Литературы

1. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 (ред. от 09.06.2022, с изм. от 20.05.2024) «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Разд. «Законодательство».
2. Громова Н.А. Роль государства в антикризисном управлении // Журнал прикладной экономики. 2023. № 1 (3). С. 15-27.
3. Никифоров И.П. Кризисное управление: глобальный и российский контексты // Экономические науки. 2022. № 13 (1). С. 30-44.
4. Антикризисная стратегия России в 2020–2024 годах. Какие меры правительства помогли преодолеть экономические вызовы – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2025/01/18/antikrizisnaya-strategiya-rossii-v-2020-2024-godah/> (дата обращения: 29.05.2025).

MURAVKINA Darya Mikhailovna

Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration of the Belgorod State National Research University, Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna

NATIONAL ANTI-CRISIS PROGRAMS AND PROJECTS IN RUSSIA

Abstract. The article attempts to study the features and possibilities of anti-crisis mechanisms in the public administration system. The paper examines the key anti-crisis programs applied by the Russian state in conditions of economic and social risk caused by sanctions pressure. The most effective approaches aimed at stabilizing the economy, supporting key industries and improving the social climate are analyzed. Based on the study, measures are proposed that can improve the effectiveness of programmatic measures in the crisis management system at the state level.

Keywords: public administration system, crisis, anti-crisis management, program, project.

ЧЕРНЫШЕВА Юлия Николаевна

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
кандидат социологических наук Шаповал Жанна Александровна*

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ, ОРИЕНТИРОВАННОЕ НА РЕЗУЛЬТАТ (БОР) КАК ДРАЙВЕР ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Аннотация. В статье рассматривается двадцатилетний опыт внедрения бюджетирования, ориентированного на результат, в Российской Федерации, анализируются институциональные, организационные и управленческие эффекты БОР, выявляются причины расхождения между нормативной моделью и практикой, а также границы влияния программного бюджета на трансформацию системы государственного управления. Показано, что БОР привело к обновлению нормативной базы, развитию программно-целевого и проектного подходов, расширению аналитических функций органов власти, но не обеспечило устойчивую связь между достигнутыми результатами и ресурсными решениями. Делается вывод о гибридном характере сложившейся системы и обозначаются условия повышения результативности БОР в контексте современных вызовов цифровизации и стратегического планирования.

Ключевые слова: бюджетирование, ориентированное на результат, программный бюджет, государственные программы, национальные проекты, стратегическое планирование, оценка эффективности, государственное управление.

Бюджетирование, ориентированное на результат (БОР), стало центральным инструментом бюджетной реформы в России начала двухтысячных годов. Через два десятилетия возникает необходимость переоценки реальных последствий внедрения подхода, связывающего распределение ресурсов с достигнутыми результатами, а не только с объёмом освоенных средств. Цель статьи заключается в критическом анализе институциональных, организационных и управленческих эффектов БОР, выявлении границ его влияния на трансформацию системы государственного управления и объяснении причин частичной реализации первоначальных замыслов реформаторов.

Методологическую основу исследования составляют институциональный и сравнительный подходы, контент-анализ нормативно-правовых актов и аналитических материалов Минфина России, а также обобщение результатов отраслевых исследований БОР. Научная новизна статьи заключается в систематизации организационных эффектов БОР через призму гибридного режима бюджетирования и

уточнении границ его влияния на трансформацию системы государственного управления.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: анализируются концептуальные основания БОР, прослеживается эволюция программного бюджета в России, классифицируются организационные эффекты внедрения БОР и оцениваются ограничения его влияния на изменения в системе государственного управления.

Распространение идей результатно-ориентированного бюджетирования в российской практике опиралось на адаптацию зарубежных концепций управления по целям и программно-целевого планирования. В монографии Е. И. Андреевой, Л. Н. Богданова и А. А. Сучковой подробно описаны логика перехода к результатной модели, а также институциональные предпосылки переноса международного опыта на национальную почву [1, с. 17]. М. П. Афанасьев трактовал БОР как ответ на ограниченность ресурсов и одновременно как инструмент повышения прозрачности бюджетного процесса и ответственности органов власти перед обществом [2, с. 131]. Таким образом,

первоначальная повестка реформ совмещала задачи фискальной консолидации и модернизации управления государственными финансами.

Концептуальные основания реформы предполагали перестройку самого бюджетного цикла. Исследование О. В. Макашиной подчёркивает, что результатно-ориентированная модель включает увязку целей документов стратегического планирования, государственных

программ, ведомственных планов и системы показателей, используемых для оценки деятельности распорядителей средств [3, с. 20]. Уточнение функций участников процесса, введение программной классификации, развитие среднесрочного планирования рассматривались как механизмы, способные запустить внутреннюю трансформацию органов власти и стимулировать переход от управления затратами к управлению результатами.

Таблица 1

Период	Ключевые нормативные решения	Содержательные характеристики этапа	Основные организационные эффекты
2000–2004 гг.	Первые концептуальные документы Минфина России по БОР, pilotные проекты в отдельных министерствах и субъектах РФ	Апробация подходов к формулированию целей и показателей, разработка методических рекомендаций, ограниченный охват программным бюджетированием	Формирование первоначальных компетенций в области БОР, создание небольших аналитических групп, слабое влияние на реальное распределение ресурсов
2005–2013 гг.	Закрепление программно-целевого подхода в Бюджетном кодексе РФ, расширение практики государственных программ на федеральном и региональном уровнях	Переход к программной классификации расходов, развитие среднесрочного бюджетного планирования, массовое внедрение системы целевых индикаторов	Расширение спектра участников программного бюджетирования, рост объёма отчётности, усиление аналитической функции финансовых органов при сохранении сметной логики управления
2014 г. – настоящее время	Запуск и институционализация национальных проектов, развитие проектного управления, уточнение требований к результативности государственных программ	Интеграция программного бюджета с системой национальных целей и приоритетов, активное использование цифровых платформ для планирования и мониторинга	Укрепление вертикали управления по целям, рост числа показателей, усиление контролирующих функций при ограниченной увязке результатов с перераспределением ресурсов

Источник: составлено автором по [1; 2, с. 130–139; 3, с. 19–23; 4, с. 190–193; 5, с. 97–106; 6, с. 134–137; 8, с. 117–138].

Работа И. Х. Дзанкисовой показывает, что уже на раннем этапе реформообразования проявился разрыв между нормативной моделью и практикой [4, с. 191]. Формальное внедрение программных структур не сопровождалось со-поставимым изменением содержательных подходов к планированию, поскольку сохранялась ориентация на традиционный сметный контроль. Значительная часть новых документов дублировала старые формы отчётности, а показатели результативности нередко подбирались по принципу доступности статистики, а не релевантности целям государственных

программ. В результате декларируемая «управленческая революция» приобрела характер технократической перенастройки форм без глубокой перестройки механизмов принятия решений.

Особую роль в дискуссии о стратегиях внедрения БОР сыграла статья А. А. Беленчук, сопоставляющая российский подход к реформированию с практикой стран ОЭСР [5, с. 98]. Автор выделяет компромиссную траекторию, в рамках которой внедрение программного бюджета проводится шагами через pilotные проекты, параллельное существование нескольких видов

классификаций и постепенное расширение круга программных инструментов. Подобная стратегия позволила избежать резкого институционального шока, однако закрепила гибридный режим, где новые элементы сосуществуют со старыми практиками, снижая стимулирующий потенциал БОР. Таким образом, влияние реформы на организационную структуру государственных органов приобрело ограниченный характер.

Дальнейшее развитие реформы подробно рассмотрено А. А. Бокановым, который прослеживает эволюцию БОР от первоначальных экспериментов до закрепления программно-целевой методологии в бюджетном законодательстве и ведомственных регламентах [6, с. 135]. Исследователь показывает, что постепенное расширение сферы применения программной модели сопровождалось усилением информационной составляющей бюджетного планирования, формированием новых аналитических подразделений, развитием ведомственных систем мониторинга. В то же время сохранялась проблема низкого качества исходных данных и нерелевантности части индикаторов, что ограничивало возможности использования информации о результативности при перераспределении ресурсов.

Отраслевая специфика применения БОР особенно наглядна в социальной сфере. И. Е. Рыбальченко анализирует увязку результатно-ориентированного бюджетирования со введением социальных нормативов в здравоохранении, фиксирующих стандартизованные объёмы и качество медицинской помощи [7, с. 107]. При переходе к нормативно подушевому финансированию усиливается значение расчётов затрат на единицу услуги, а также возрастает роль инструментов оценки доступности и качества лечения. Тем не менее автор отмечает, что связь между достижением целевых показателей, итоговой оценкой программ и последующими решениями о перераспределении ассигнований остаётся неполной. Формализованный учёт результатов не превращается в полноценный механизм бюджетных стимулов для учреждений.

За двадцать лет БОР стало основой программного бюджета, через который реализуются государственные и национальные проекты. Правовой аспект такой трансформации подробно раскрыт в статье Д. А. Шевелько, где

национальные проекты рассматриваются как институционализированная форма результатно-ориентированного бюджетирования [8, с. 120]. Автор подчёркивает, что законодательное закрепление программно-проектного подхода сопровождается усложнением системы правовых актов, регулирующих планирование, исполнение и оценку программ. Углубляется дифференциация полномочий между федеральным центром и регионами, растёт значение межуровневых соглашений по достижению целевых индикаторов. Вместе с тем сохраняются противоречия между нормами бюджетного и иного отраслевого законодательства, ограничивающие гибкость программного управления.

На современном этапе подавляющая часть расходов федерального бюджета структурируется через государственные программы и национальные проекты, что формально свидетельствует о доминировании программной модели. Вместе с тем увеличение числа программ и показателей сопровождалось усложнением системы управления и ростом транзакционных издержек для участников бюджетного процесса.

С позиции организационной динамики БОР действительно выступало драйвером изменений, однако масштабы трансформации оказались ниже первоначальных ожиданий. На уровне федеральной администрации были сформированы институты ответственных исполнителей программ, внедрены внутренние регламенты планирования по целям, расширено использование инструментов мониторинга и оценки. В ряде ведомств появились специализированные подразделения, отвечающие за разработку индикаторов, подготовку отчётности, взаимодействие с Минфином и контрольными органами. Тем самым произошло определённое перераспределение ролей внутри бюрократических структур, усилились аналитические функции, возрос спрос на компетенции в области программного планирования и оценки эффективности.

Одновременно проявилась обратная сторона реформы. Переход к программной структуре бюджета увеличил объём отчётных документов и количество показателей, создавая нагрузку на региональные и муниципальные органы управления. Наблюдается тенденция к «инфляции индикаторов», когда каждое

подразделение стремится закрепить собственный набор показателей, не всегда согласованный с общей логикой государственной политики. Проблема качества статистики, слабое развитие независимой оценки и аудита эффективности приводят к тому, что информация о результатах чаще используется для

формального подтверждения выполнения планов, а не для пересмотра приоритетов и перераспределения ассигнований. Гибридность системы, сочетающей программный и сметный подходы, снижает мотивационный эффект БОР для руководителей учреждений.

Таблица 2

Направление эффекта	Ожидаемые результаты	Реализованные эффекты на практике	Основные причины расхождений
Прозрачность и подотчётность расходов	Рост открытости информации о целях, задачах и результатах использования бюджетных средств, усиление общественного контроля	Публикация паспортов программ и отчётов о результативности, расширение объёма открытых данных о расходах	Сложность представления информации в понятной для граждан форме, преобладание отчётности для ведомственного и контрольного использования
Связь ресурсов и результатов	Принятие решений о распределении средств на основе достигнутых результатов и измеримых показателей эффективности	Формальное использование индикаторов в обосновании бюджетных ассигнований, ограниченное влияние результатов оценки на перераспределение ресурсов	Сохранение сметной логики в части расходов, политические и отраслевые ограничения при пересмотре программ, низкое качество части показателей
Гибкость перераспределения ассигнований	Возможность оперативно перераспределять ресурсы между программами и мероприятиями в зависимости от динамики результатов	Сохранение жёстких процедур согласования изменений бюджетных ассигнований, ограниченная манёвренность внутри программ	Нормативные ограничения, высокий уровень централизации решений, доминирование формального контроля над результативностью
Изменение управленческой культуры и стимулов	Переход органов власти от ориентации на освоение средств к ориентации на достижение общественно значимых результатов	Фиксация целевых индикаторов в документах планирования, частичное распространение практик управления по целям в отдельных ведомствах	Ограничено использование данных об эффективности при оценке деятельности руководителей, преобладание формальных отчётных требований над мотивационными механизмами
Бюрократическая нагрузка и качество данных	Оптимизация отчётности, снижение дублирования документов, повышение качества информации для принятия решений	Рост числа отчётных форм и индикаторов, неоднородное качество статистики и ведомственных данных, высокая нагрузка на региональный и муниципальный уровень	Инфляция показателей, слабая координация требований различных ведомств, недостаточная автоматизация процессов сбора и обработки информации

Источник: составлено автором по [1; 2, с. 130-139; 3, с. 19-23; 4, с. 190-193; 5, с. 97-106; 6, с. 134-137; 7, с. 106-109; 8, с. 117-138].

Современный этап характеризуется наложением на результатно-ориентированную модель новых управленческих трендов. Распространяются элементы проектного управления, цифровые платформы бюджетного планирования, инструменты анализа «затраты выгода», методы интеграции программных и национальных целей в единую систему стратегического управления. Вместе с тем устойчивые институциональные ограничения, связанные с высокой степенью централизации полномочий, доминированием формального контроля и неполной соподчинённостью системы показателей государственным целям, сдерживают дальнейшее развитие БОР как подлинного механизма управленческих инноваций.

Итоги двух десятилетий позволяют сформулировать двойственный вывод. С одной стороны, БОР привело к существенному обновлению нормативной базы, изменило язык бюджетной политики, внедрило практику постановки измеримых целей, укрепило прозрачность и подотчётность публичных расходов. С другой стороны, связь между результатами и ресурсными решениями остаётся ограниченной, а организационные изменения часто носят адаптационный, а не трансформационный характер. В перспективе успешность дальнейшего развития результатно-ориентированного бюджетирования будет зависеть от сочетания совершенствования правового регулирования, повышения качества данных, укрепления независимой оценки и формирования у органов власти устойчивой культуры использования информации о результатах при выработке бюджетных решений.

Практическая значимость полученных выводов состоит в том, что они позволяют уточнить приоритеты дальнейшего развития БОР. В качестве первоочередных задач могут рассматриваться сокращение избыточного числа индикаторов, усиление роли независимой оценки эффективности, а также увязка результатов мониторинга с процедурой перераспределения бюджетных ассигнований между программами и их мероприятиями. Реализация данных шагов повысит вероятность того, что БОР станет не только формальной оболочкой программного бюджета, но и действенным механизмом управленческих изменений.

Литература

1. Андреева Е.И. Бюджетирование, ориентированное на результат: международный опыт и возможности применения в России / Е.И. Андреева, Л.Н. Богданов, А.А. Сучкова. – М.: Academia, 2002. – 350 с. – URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/10347814> (дата обращения: 03.12.2025).
2. Афанасьев М.П. Бюджетирование, ориентированное на результат (новые тенденции) / М.П. Афанасьев // Вопросы экономики. – 2004. – № 9. – С. 130-139. – URL: <https://www.vopreco.ru/jour/article/view/1950> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Макашина О.В. Бюджетирование, ориентированное на результат / О.В. Макашина // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2008. – № 1. – С. 19-23. – URL: https://old.ispu.ru/files/str_23-27.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
4. Дзанкисова И.Х. Бюджетирование и его ориентированность на результат / И.Х. Дзанкисова // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6. – № 2-3. – С. 190-193. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/byudzhetirovaniye-i-ego-orientirovannost-na-rezulstat> (дата обращения: 02.12.2025).
5. Беленчук А.А. Бюджетирование, ориентированное на результат: стратегии и перспективы / А.А. Беленчук // Финансовый журнал. – 2010. – № 1(3). – С. 97-106. – URL: <https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2010/1/stati/100111.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
6. Боканов А.А. Эволюция бюджетирования, ориентированного на результат / А.А. Боканов // Армия и общество. – 2012. – № 1(29). – С. 134-137. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-byudzhetirovaniya-orientirovannogo-na-rezulstat> (дата обращения: 05.12.2025).
7. Рыбальченко И.Е. Бюджетирование, ориентированное на результат, и социальные нормативы в здравоохранении / И.Е. Рыбальченко // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 6. – С. 106-109. – URL: <https://1economic.ru/lib/116789> (дата обращения: 06.12.2025).
8. Шевелько Д.А. Национальные проекты в системе бюджетирования, ориентированного

на результат: правовой аспект / Д.А. Шевелько // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 117-138. – URL:

https://journals.rcsi.science/2072-8166/article/view/318218/292613/ru_RU (дата обращения: 06.12.2025).

CHERNYSHEVA Yulia Nikolaevna

Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration of the Belgorod State National Research University,
Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna*

RESULTS-BASED BUDGETING (BOR) AS A DRIVER OF ORGANIZATIONAL CHANGE: 20 YEARS LATER

Abstract. The article examines the twenty-year experience of implementing results-based budgeting in the Russian Federation, analyzes the institutional, organizational and managerial effects of BOR, identifies the causes of the discrepancy between the regulatory model and practice, as well as the boundaries of the impact of the program budget on the transformation of the public administration system. It is shown that the BOR led to the updating of the regulatory framework, the development of program-oriented and project-based approaches, and the expansion of the analytical functions of government authorities, but did not provide a stable link between the achieved results and resource solutions. The conclusion is made about the hybrid nature of the existing system and the conditions for increasing the effectiveness of the BOR in the context of modern challenges of digitalization and strategic planning are outlined.

Keywords: budgeting, result-oriented, program budget, government programs, national projects, strategic planning, efficiency assessment, public administration.

ШАВРИНА Кристина Александровна

студентка,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

*Научный руководитель – доцент кафедры социальных технологий и государственной службы
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
кандидат социологических наук Шаповал Жанна Александровна*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ОКАЗАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В МФЦ: ОТ «ОДНОГО ОКНА» К «БЕСШОВНОМУ СЕРВИСУ»

Аннотация. В статье рассматривается трансформация системы оказания государственных и муниципальных услуг в России на примере деятельности многофункциональных центров (МФЦ). Анализируется переход от концепции «одного окна» к модели «бесшовного сервиса», ориентированной на минимизацию участия гражданина в бюрократических процедурах и повышение качества взаимодействия с государством. На основе современных исследований, официальных документов и практических кейсов раскрываются ключевые направления развития МФЦ: цифровизация процессов, расширение перечня услуг, внедрение межведомственного обмена данными, формирование единого клиентского пути и обеспечение доступности услуг вне зависимости от места проживания. Рассматриваются основные проблемы, препятствующие реализации «бесшовного» подхода, включая неравномерность развития региональных МФЦ, кадровые ограничения, технологические барьеры и недостаточную интеграцию информационных систем. Делается вывод, что дальнейшая модернизация МФЦ требует балансировки технологических решений и организационных изменений, а также системного развития кадрового потенциала и инфраструктуры, что позволит обеспечить качественный и удобный сервис для граждан.

Ключевые слова: мультифункциональный центр (МФЦ), государственные услуги, цифровизация, одно окно, бесшовный сервис, межведомственное взаимодействие, клиентский путь, электронное правительство, региональное развитие, качество услуг.

Система предоставления государственных услуг в России за последние годы изменилась гораздо сильнее, чем большинство граждан успели заметить. Если раньше получение услуги требовало посещения нескольких ведомств, согласования документов, повторных визитов и неизбежных очередей, то создание сети многофункциональных центров стало реальным поворотным моментом. Формат «одного окна» впервые позволил человеку получать различные государственные и муниципальные услуги в удобном месте и по единым правилам, что значительно снизило нагрузку на граждан и снизило административные барьеры. В исследованиях отмечается, что мультифункциональный центр (МФЦ) стал одним из самых успешных российских институтов взаимодействия государства и общества, поскольку позволили объединить услуги разных ведомств в рамках универсального интерфейса

обслуживания [15]. Но развитие цифровых технологий и рост ожиданий граждан привели к тому, что одной стандартизации стало недостаточно: государству пришлось двигаться дальше – к бесшовному сервису.

Сейчас МФЦ уже не просто пункт выдачи документов, а попытка создать «центр услуг», где человек может получить все, что нужно: от справок и регистраций до консультаций и социальных сервисов. В интервью представителя Минэкономразвития отмечалось, что МФЦ «Мои документы» планируют расширять перечень доступных услуг: включать социальные, социально-защитные, услуги для бизнеса, что позволит создавать единый «центр заботы» о гражданине и уменьшит необходимость посещать несколько ведомств [10].

В последние годы роль многофункциональный центр (МФЦ) все больше переходит от узкоспециализированного «окна» выдачи

документов» к полноценной точке цифрового и административного сервиса. Согласно исследованию, охватывающему период 2007–2018 годов, МФЦ стали частью системы электронного правительства: они обеспечивают не только приём документов, но и интеграцию с электронными сервисами, регистрируют заявления через портал, выдают результаты ранее запущенных через интернет-услуги, что обеспечивает для граждан удобство и снижает нагрузку на ведомства [3]. Тем самым МФЦ становятся тем связующим звеном, которое превращает громоздкие бюрократические процедуры в удобный, доступный и понятный сервис – особенно для тех граждан, кто не может или не хочет пользоваться цифровыми порталами самостоятельно.

По сути, модель МФЦ в текущем виде решает проблему физического объединения услуг в одном месте, но не устраняет глубинных несовершенств внутренних процессов. Человек всё ещё остаётся участником взаимодействия между ведомствами. Например, если одно ведомство требует документ, который находится в другом, гражданину приходится передавать его вручную, хотя это может быть сделано автоматически. Исследователи отмечают, что основная часть времени уходит не на обслуживание в МФЦ, а на выполнение внутренних межведомственных операций, которые не видны посетителю, но напрямую влияют на скорость и удобство получения услуги [9]. Именно поэтому сегодня всё чаще говорится о необходимости перехода от «одного окна» к модели «бесшовного сервиса».

Тем не менее не на всех территориях реализация такой модели идёт гладко. В исследовании, посвящённом региональным МФЦ, выделены основные проблемы: нехватка профессионально подготовленных кадров, слабая материально-техническая база, неопределённый правовой статус сотрудников, недостаточное финансирование [13]. Часто офисы МФЦ в малых городах представляют собой небольшие точки, где нет всех необходимых служб, а список доступных услуг существенно ограничен. Это снижает эффективность «бесшовного сервиса» и делает МФЦ близким к прежнему «одно окно + бумага + сложности». Кроме того, совмещать функции традиционного приема документов и новых сервисов бывает тяжело: сотрудники должны обладать компетенциями в

разных областях – от работы с базами данных до консультирования граждан по социальным вопросам. Без систематического обучения и пересмотра процедуры работы качество услуг снижается, а ожидания граждан не оправдываются.

Под «бесшовным сервисом» понимается такая организация процесса, при которой для гражданина услуга выглядит как одно простое действие: подача заявления или даже автоматическое предоставление без каких-либо действий. В идеальной модели все подтверждения, запросы и документы циркулируют между ведомствами без участия заявителя. Такой подход требует не просто цифровизации, а перестройки логики взаимодействий. Например, государству нужно обеспечить стабильный обмен данными, общие стандарты и форматы, автоматизацию проверки сведений и интеграцию ведомственных систем. Аналитики отмечают, что в России уже стартовали крупные программы, направленные на создание единой цифровой модели предоставления услуг, где МФЦ сохраняют важную роль, но меняют свою функцию – от посредника между людьми и ведомствами к навигатору, консультанту и точке поддержки для граждан, которые не могут полностью перейти на цифровые каналы [6].

Важной частью трансформации стало развитие электронных услуг. Портал «Госуслуги» постепенно берет на себя значительную часть нагрузки, переводя многие услуги в полностью цифровой формат. Однако полностью заменить МФЦ он не способен, поскольку остается часть граждан, которым необходима очная помощь. В исследованиях подчеркивается, что доступность и инклюзивность – один из ключевых критериев качества системы госуслуг, и даже при активной цифровизации МФЦ остаются важным инструментом для тех, кто испытывает сложности с онлайн-форматами [14]. Таким образом, модель будущего – это не замена МФЦ цифровыми каналами, а их совместная работа, когда человек сам выбирает удобный способ обращения, а данные внутри системы движутся автоматически.

Отдельно стоит сказать о региональных практиках. В ряде субъектов РФ уже реализуются модели, близкие к бесшовному сервису. Например, в Санкт-Петербурге МФЦ начали внедрять сервисный подход, уделяя особое внимание удобству клиента, проектированию

маршрута получения услуги и сокращению точек контакта. Исследование клиентского опыта показывает, что граждане высоко оценивают ситуации, когда сотрудник может сам собрать недостающие сведения или подсказать альтернативный путь решения – это создаёт ощущение заботы и повышает доверие к государственным структурам [7].

Однако не во всех регионах России переход на расширенный и цифровой формат работы МФЦ проходит одинаково. В ряде публикаций подчёркивается, что ключевой проблемой остаётся неравномерность развития: в крупных городах инфраструктура и возможности существенно выше, чем в малых населённых пунктах; там, где МФЦ существуют слабо, они зачастую не покрывают весь спектр услуг, а качество обслуживания заметно ниже [12]. Кроме того, как показывает практика, существуют проблемы с кадрами: сотрудники часто перегружены, многие вынуждены совмещать функции, требующие специфических знаний – от работы с ИТ-системами до юридических консультаций. В таких условиях сотрудники не всегда успевают предоставить качественное сопровождение заявителю, что снижает доверие к МФЦ как к сервисной модели [1]. Эти проблемы же показывают, что без целенаправленного развития кадрового ресурса, материально-технической базы и сбалансированной политики распределения услуг по регионам, модель «бесшовного сервиса» может оказаться декларацией, не способной удовлетворить реальных потребностей граждан.

Несмотря на значительные успехи, создание бесшовного сервиса связано с рядом вызовов. Во-первых, ведомственные информационные системы развиваются неравномерно. Где-то уже используется полный электронный документооборот, а где-то часть процессов до сих пор остаётся бумажной. Во-вторых, межведомственное взаимодействие требует единого стандарта, которого долгое время не было. В-третьих, важным препятствием является нехватка квалифицированных специалистов в регионах, особенно в части цифровых компетенций. Аналитики подчёркивают, что без повышения профессионального уровня сотрудников, отвечающих за сервисы, достижение бесшовности невозможно, так как автоматизация должна сочетаться с компетентной поддержкой граждан [5].

Кроме технологических барьеров есть и социальные. Некоторые граждане с осторожностью относятся к передаче данных между ведомствами, опасаясь утечки информации. Поэтому государству важно не только создавать технологические решения, но и обеспечивать прозрачность их работы, объяснять людям, как работает межведомственный обмен, какие меры безопасности применяются, и почему автоматизация повышает качество услуг, а не увеличивает риски. Чтобы сделать сервисы доверительными, необходимо сочетать цифровую безопасность, понятные механизмы контроля и обратную связь от граждан.

В перспективе основным направлением станет расширение проактивных услуг – когда человек получает нужный результат без подачи заявления. В некоторых случаях это уже работает: например, оформление пособий или смена документов после определённых жизненных событий могут происходить автоматически. Эксперты считают, что в ближайшие годы доля таких услуг будет значительно расти, а МФЦ постепенно станут центрами консультирования и решения нестандартных ситуаций, позволяя гражданам ориентироваться в сложных жизненных ситуациях, включая юридические, социальные и бытовые вопросы.

В российском контексте это значит, что системы «Госуслуг», МФЦ и ведомственные базы должны быть интегрированы, а информация – передаваться автоматически. Тогда «окно» для человека будет одно, а за ним – сработанный механизм «за кулисами». Это снизит нагрузку на граждан, ускорит процедуры и повысит надежность результата – без лишних очередей и неопределенности.

Переход к бесшовному сервису обычно включает модернизацию технической базы, обучение сотрудников, пересмотр нормативных актов, развитие цифровой культуры среди граждан, сокращение бумажных процедур и постоянный мониторинг качества. Но в целом направление развития весьма предсказуемо: государство стремится сделать услуги доступными, удобными и понятными, а МФЦ становятся ключевым мостом между технологическими возможностями и реальными потребностями людей.

Литература

1. The Assessment of Public (Municipal) Service Provision by Multifunctional Centers // International Journal of Public Administration & Management Research. URL: <https://www.abacademies.org/articles/the-assessment-of-public-municipal-service-provision-by-multifunctional-centers-7192.html> (дата обращения: 05.12.2025).

2. Krivova A.L., Yazidzhyan Z.G. Modern technologies for the provision of governmental social services in the Moscow region // RUDN Journal of Public Administration. 2018. Vol. 5, № 3. URL: <https://journals.rudn.ru/public-administration/article/view/21124> (дата обращения: 05.12.2025).

3. Morev V.A., Denisov S.E. Development of multifunctional centers of state and municipal services in 2007–2018 and their integration with e-government // Business and Service Technologies. 2019. URL: <https://rrbusiness.ru/journal/article/1770/> (дата обращения: 05.12.2025).

4. PPT.ru. Материал «МФЦ – что это и как они работают». URL: <https://ppt.ru/art/mfc> (дата обращения: 05.12.2025).

5. В ЦСР рассказали о пользе процессного подхода в МФЦ // Центр стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/v-tssr-rasskazali-o-polze-protsessnogo-podkhoda-v-mfts/> (дата обращения: 04.12.2025).

6. Как госуслуга меняется в эпоху цифровизации // WSEM. URL: https://wsem.ru/publications/tsifrovaya_transfomatsiya_protsessa_predostavleniya_gosudarstvennykh_uslug_41556/ (дата обращения: 04.12.2025).

7. Как государство заимствует клиентскую модель у бизнеса: кейс МФЦ // IF24. URL: <https://www.if24.ru/kak-gosudarstvo-zaimstvuet-klientotsentrichnuyu-model-u-biznesa-kejs-peterburgskikh-mfts/> (дата обращения: 04.12.2025).

8. Локальные особенности услуг МФЦ // mfc-gosuslugi.ru. URL: <https://mfc-gosuslugi.ru> (дата обращения: 04.12.2025).

gosuslugi.ru/stati/lokalnye-osobennosti-uslug-mfc-pochemu-v-regionah-pravila-otlichajutsja/ (дата обращения: 04.12.2025).

9. Многофункциональные центры как фактор снижения коррупции // Law.ru. URL: <https://www.law.ru/article/23908-deyatelnost-mnogofunktionalnyh-tsentrsov-okazaniya-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-uslug> (дата обращения: 04.12.2025).

10. На Выставке «Россия» прошёл тематический День «Государственные услуги». Пресс-релиз. MFCKBR. URL: <https://mfckbr.ru/press/2306/> (дата обращения: 05.12.2025).

11. Орлова В.В. Определение, функции и роль МФЦ в системе предоставления государственных услуг // Матрица научного познания. 2021. URL: <https://os-russia.com/SBORNIKI/MNP-2021-12-2.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

12. Оценка работы многофункциональных центров и кадровые/инфраструктурные ограничения // SPSL (конференционные материалы). URL: <https://www.spsl.nsc.ru/FullText/konf/e/ЭкУпрПредпОтрКомп20192.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

13. Проблемы региональных многофункциональных центров: материалы и анализ // Scilead. URL: <https://scilead.ru/article/7499-problemi-regionalnikh-mnogofunktionalnikh-ts> (дата обращения: 05.12.2025).

14. Развитие системы МФЦ в России: показатели эффективности // [mfc-gosuslugi.ru](https://mfc-gosuslugi.ru/news/dve-treti-regionov-rossii-pokazali-vysokij-uroven-jeffektivnosti-raboty-mfc/). URL: <https://mfc-gosuslugi.ru/news/dve-treti-regionov-rossii-pokazali-vysokij-uroven-jeffektivnosti-raboty-mfc/> (дата обращения: 04.12.2025).

15. Развитие системы МФЦ (на примере Приморского края) / Заполева Е.О. и др. // RUDN Journal of Public Administration. 2016. URL: <https://journals.rudn.ru/public-administration/article/view/15837> (дата обращения: 04.12.2025).

SHAVRINA Kristina Aleksandrovna

Student, Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Administration, Belgorod State National Research University, Candidate of Sociological Sciences Shapoval Zhanna Alexandrovna

TRANSFORMATION OF THE SYSTEM OF PUBLIC SERVICE DELIVERY IN MULTIFUNCTIONAL CENTERS: FROM THE “ONE-STOP SHOP” TO A “SEAMLESS SERVICE”

Abstract. *The article examines the transformation of the system of state and municipal service delivery in Russia using the example of the activities of multifunctional centers (MFCs). The transition from the concept of a “one-stop shop” to a “seamless service” model is analyzed; this model is focused on minimizing citizens’ involvement in bureaucratic procedures and improving the quality of interaction with the state. Based on contemporary research, official documents, and practical cases, the key directions of MFC development are identified: digitalization of processes, expansion of the range of services, implementation of interagency data exchange, formation of a unified customer journey, and ensuring the accessibility of services regardless of place of residence. The main challenges hindering the implementation of the “seamless” approach are considered, including uneven development of regional MFCs, staffing limitations, technological barriers, and insufficient integration of information systems. It is concluded that further modernization of MFCs requires a balance between technological solutions and organizational changes, as well as systematic development of human resources and infrastructure, which will ensure high-quality and convenient services for citizens.*

Keywords: *multifunctional center (MFC), public services, digitalization, one-stop shop, seamless service, interagency interaction, customer journey, e-government, regional development, service quality.*

ШИШКИНА Алена Юрьевна

студентка, Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург

*Научный руководитель – доцент Уральского государственного экономического университета,
кандидат педагогических наук Цибиков Виктор Александрович*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются действующие направления государственной политики в сфере сельского хозяйства России, анализируются нормативно-правовая база, параметры государственной поддержки и статистика развития аграрного сектора за 2023-2024 годы, а также формулируются предложения по повышению результативности деятельности органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: государственное управление, аграрная политика, сельское хозяйство, сельские территории, государственные программы, эффективность.

Государственная поддержка аграрного сектора в России за последние годы превратилась из вспомогательного инструмента в один из ключевых факторов устойчивости сельского хозяйства и продовольственной безопасности страны. При сравнительно небольшой доле сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости экономики (около 4-5% по данным за 2023 год), на отрасль приходится свыше триллиона рублей инвестиций в год и значительная часть экспортной выручки несырьевого характера.

Сложившаяся система государственной поддержки опирается на комбинацию бюджетных субсидий, инструментов льготного кредитования и специальных налоговых режимов. Эти элементы формально закреплены в Налоговом кодексе РФ, Федеральном законе от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», паспорте государственной программы «Развитие сельского хозяйства...», а также в подзаконных актах Правительства РФ и отраслевых приказах Минсельхоза России. Вопрос заключается уже не в том, нужна ли поддержка как таковая, а в том, насколько рационально выстроены её механизмы, насколько прозрачно и адресно расходуются средства и каково соотношение между объёмами помощи и достижением целевых эффектов – ростом производительности,

расширением инвестиционной активности, снижением рисков для сельхозтоваропроизводителей.

Актуальность переосмысливания архитектуры поддержки усиливается ростом бюджетных расходов на АПК, волатильностью цен на продовольствие и ужесточением климатических и финансовых ограничений.

В 2024 году на три основные госпрограммы, связанные с агропромышленным комплексом, было направлено 665 млрд руб. против 540 млрд руб. годом ранее; из них 530 млрд руб. пришлось на базовую госпрограмму АПК, 95 млрд руб. – на комплексное развитие сельских территорий, 39,2 млрд руб. – на вовлечение земель в оборот и мелиорацию. Такой масштаб публичных ресурсов требует детального анализа того, насколько эффективно функционируют ключевые каналы поддержки: субсидии, льготные кредиты и налоговые преференции [15].

Бюджетные субсидии остаются наиболее прямой формой государственной поддержки аграрного сектора. Они регламентируются положениями Федерального закона № 264-ФЗ, Бюджетного кодекса РФ, постановлениями Правительства РФ о госпрограмме развития сельского хозяйства и программой комплексного развития сельских территорий. Субсидии

направляются на частичное возмещение процентной ставки по кредитам, поддержку доходов производителей отдельных видов продукции, модернизацию материально-технической базы, развитие мелиорации, племенное дело и ряд иных направлений [1].

Публичные данные показывают устойчивый рост совокупного объёма бюджетной поддержки. В 2019–2025 гг. общий объём средств федерального бюджета, запланированный на реализацию обновлённой госпрограммы, превышает 2,33 трлн руб. Только в 2024 году на три ключевые программы АПК – собственно госпрограмму, комплексное развитие сельских территорий и вовлечение земель в оборот – было направлено 665 млрд руб., что стало рекордным значением за период действия программы; для сравнения, в 2023 году аналогичный показатель составлял 540 млрд руб. Структура субсидирования за последние годы смещается в сторону поддержки инвестиционных проектов, мелиорации и инфраструктуры, при этом сохраняется блок «операционных» субсидий, связанных с возмещением части затрат на производство конкретных видов продукции, страхование рисков и приобретение средств производства. Такая конфигурация отвечает задаче одновременно сглаживать текущие колебания доходов сельхозпроизводителей и обеспечивать инвестиционный характер роста.

В национальном докладе о реализации госпрограммы за 2023 год подчёркивается, что кассовое исполнение программы достигло примерно 99%, а ключевые целевые индикаторы развития отрасли (уровень зарплат, объём экспорта, индекс производства) были в целом достигнуты. Параллельно отчёты Счётной палаты и региональных контрольно-счётных органов фиксируют неоднородность территориального распределения средств, сложности с доведением субсидий до небольших хозяйств и случаи, когда построенная за счёт бюджета инфраструктура не используется в полной мере [2].

Проблема заключается в том, что сама по себе величина субсидий не гарантирует устойчивого эффекта. Присутствуют риски «залива» отдельных сегментов отрасли ресурсами без достаточного анализа отдачи, а также риски институциональной ловушки, когда хозяйства ориентируются на получение бюджетной поддержки, а не на повышение собственной конкурентоспособности. Этим объясняется усиливающийся интерес к внедрению более жёстких требований к результатам проектов,

финансируемых из бюджета, и к системам оценки фактического воздействия субсидий на показатели эффективности АПК.

Льготное кредитование постепенно превратилось в центральный канал государственной поддержки. Нормативная основа механизма закреплена в Федеральном законе № 264-ФЗ, постановлениях Правительства РФ о правилах предоставления субсидий банкам и в соответствующих приказах Минсельхоза России, определяющих перечень уполномоченных кредитных организаций и условия участия сельхозтоваропроизводителей. По итогам 2023 года банки заключили договоры льготного кредитования сельского хозяйства на сумму свыше 1,3 трлн руб.; речь идёт как о краткосрочных, так и об инвестиционных кредитах со ставкой до 5%. Для компенсации процентной ставки аграриям государство субсидирует часть расходов банков. Только на новые льготные кредиты в 2024 году было направлено около 21 млрд руб. субсидий, из которых 17,5 млрд руб. приходилось на краткосрочные кредиты, а 3,9 млрд руб. – на инвестиционные. С учётом уже существующего портфеля общий объём господдержки льготного кредитования в 2024 году достиг примерно 330 млрд руб., причём власти заявили о сохранении сопоставимого уровня помощи и в 2025 году [6].

Механизм льготного кредитования активно разворачивается и на региональном уровне. Например, в Республике Карелия общая сумма краткосрочных и инвестиционных кредитов, выданных агропромышленному комплексу по льготной ставке в 2024 году, составила 3,4 млрд руб., что соответствует уровню предыдущего года; при этом заёмщиками выступили как крупные агрохолдинги, так и фермерские хозяйства. Подобные примеры демонстрируют, что льготные кредиты становятся стандартным элементом финансовой модели для предприятий АПК.

С точки зрения экономических эффектов льготное кредитование создаёт важный канал быстрого доступа к оборотному капиталу и инвестиционным ресурсам. В условиях высокой ключевой ставки и общей дороговизны кредитов именно субсидируемые займы позволяют реализовывать проекты модернизации техники, строительства животноводческих комплексов, логистических и перерабатывающих мощностей. По данным аналитических материалов, в рамках механизма льготных кредитов в отдельные годы привлекается до 2,2 трлн руб.

совокупного кредитного ресурса в АПК, что существенно превышает объём прямых бюджетных субсидий.

При этом выявляется ряд рисков. Наблюдается концентрация льготных кредитов в сегменте крупных предприятий, обладающих лучшей кредитной историей и устойчивым залоговым обеспечением, тогда как малые формы хозяйствования сталкиваются с ограниченным доступом к программе. Сложность процедур отбора проектов, требования к финансовой отчётности и залогам, а также территориальная концентрация банков-участников снижают реальную доступность инструмента для семейных ферм и малых кооперативов. В результате часть сельхозпроизводителей продолжает работать в режиме хронического недоинвестирования, несмотря на общую макростатистику роста льготного кредитования [3].

Значительная зависимость отрасли от субсидируемых кредитов порождает чувствительность к изменениям бюджетной и денежно-кредитной политики. Любое сокращение лимитов, повышение реальной ставки или изменение правил отбора проектов способно вызвать эффект «перекредитованности» и затормозить инвестиционную активность [11].

Налоговые преференции являются менее заметным, но не менее значимым элементом государственной поддержки сельского хозяйства. Основные стимулы закреплены в Налоговом кодексе РФ и складываются из специального налогового режима (единий сельскохозяйственный налог – ЕСХН), пониженных ставок отдельных налогов и особенностей применения НДС к сельхозпродукции.

Система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (глава 26.1 НК РФ) предусматривает возможность перехода на ЕСХН при условии, что не менее 70% доходов налогоплательщика формируется от реализации сельхозпродукции. Объект налогообложения – доходы, уменьшенные на величину расходов, а ставка налога составляет 6%; региональные органы власти не вправе изменять эту ставку или ограничивать действие режима. Плательщики ЕСХН освобождаются от налога на прибыль (для организаций) и НДФЛ по предпринимательским доходам (для ИП), а также частично от налога на имущество и транспортного налога, что в совокупности ощутимо снижает налоговую нагрузку [5].

Дополнительное значение имеет комплекс льгот по налогу на прибыль и НДС. Для

отдельных категорий сельхозпроизводителей установлена нулевая ставка по налогу на прибыль организаций, функционирующая на бессрочной основе с 2013 года, при условии соблюдения критериев доли доходов от основной деятельности. Для большинства видов продовольствия и сельхозсырья применяется пониженная ставка НДС 10%, а операции по экспорту сельхозпродукции могут облагаться по ставке 0%, что повышает ценовую конкурентоспособность российских производителей на внешних рынках [8].

Для плательщиков ЕСХН действует особый порядок взаимодействия с НДС. При соблюдении критериев по объёму выручки хозяйство может пользоваться освобождением от НДС, одновременно сохраняя право на вычеты по «входному» налогу при определённых условиях. На практике сельхозпроизводители выбирают между сохранением статуса плательщика НДС с возможностью возмещения и освобождением от налога ради упрощения учёта и уменьшения нагрузки на оборотный капитал. Аналитические обзоры показывают, что при сравнении общей суммы налогов по общей системе и режиму ЕСХН последний, как правило, оказывается более выгодным по совокупной нагрузке для предприятий с типичной структурой расходов в АПК [9].

Налоговое стимулирование сельского хозяйства функционирует как долгосрочный институциональный фактор: правила ЕСХН и пониженных ставок налогов не зависят от ежегодных бюджетных решений, в отличие от субсидий и лимитов льготных кредитов. Это создаёт для аграриев относительно устойчивый горизонт планирования. Вместе с тем система сложна с точки зрения выбора оптимального набора льгот и сочетания спецрежимов с общим порядком уплаты НДС, что требует развитой налоговой экспертизы и увеличивает транзакционные издержки, особенно для небольших хозяйств.

В последние годы обсуждаются инициативы по корректировке налогового режима, включая возможное перераспределение нагрузки между налогообложением прибыли, НДС и ресурсными платежами. Любое изменение параметров налоговых ставок может затронуть конкурентоспособность аграрного сектора, поэтому вопрос о модернизации налогового стимулирования тесно связан с оценкой его влияния на небольшие и средние хозяйства, а также на

продовольственные цены для конечных потребителей.

Совокупность субсидий, льготных кредитов и налоговых преференций формирует сложную архитектуру государственной поддержки, где пересекаются интересы государства, крупных агрохолдингов, средних и малых хозяйств, банков и региональных властей. Основные проблемы выявляются на стыке этих интересов.

Во многих случаях наблюдается концентрация бюджетных ресурсов в сегменте крупных вертикально интегрированных компаний, выигрывающих от масштабов производства и лучшего доступа к кредитным и налоговым консультантам. Малые формы хозяйствования – семейные фермы, сельхозкооперативы, ЛПХ, преобразующиеся в фермерские структуры, – объективно чаще упираются в административные и финансовые барьеры при получении субсидий или одобрении льготных кредитов. При этом именно они обеспечивают значимое количество рабочих мест в сельской местности и разнообразие форм хозяйствования [10].

Дополнительное противоречие связано с тем, что значительная часть прямых субсидий привязана к объёму произведённой продукции или к площади посевов, а не к конечным результатам в области повышения эффективности, устойчивости к климатическим рискам, внедрения экологичных практик. Это создаёт стимулы к расширению экстенсивного производства без должного учёта влияния на почвы, водные ресурсы и биоразнообразие. На фоне усиливающихся климатических вызовов и требований к устойчивому землепользованию возникает потребность в переориентации механизмов поддержки на проекты, демонстрирующие рост производительности при одновременном снижении экологического следа [13].

В сфере льготного кредитования остро стоит задача выстраивания баланса между доступностью и финансовой устойчивостью. Широкое распространение дешёвых кредитов стимулирует модернизацию, однако при недостаточной оценке рисков может привести к накоплению долговой нагрузки, особенно в условиях волатильных цен на зерно и молочную продукцию. Для банков, работающих с АПК, характерно зависимое положение: с одной стороны, они ориентируются на прибыльность кредитного портфеля, с другой – на условия субсидирования со стороны государства, которые могут меняться в зависимости от бюджетной конъюнктуры. Поэтому всё большую роль начинают играть

механизмы разделения рисков, элементы гарантирования и страхования, а также развитие специализированных финансовых продуктов в аграрной сфере.

Налоговые льготы, несмотря на свою устойчивость, постепенно теряют часть стимулирующего эффекта для высокоеффективных предприятий, которые уже выстроили свои бизнес-модели с учётом действующих ставок. Для них более важной становится предсказуемость режима, а не его дальнейшее «смягчение». Для небольших хозяйств, напротив, вопрос упрощения администрирования налогов и сопряжённых отчётных процедур остаётся критическим, особенно на фоне дефицита квалифицированных кадров и консультационной поддержки в сельской местности [7].

В этих условиях обсуждение совершенствования механизмов поддержки концентрируется вокруг нескольких ключевых идей, не связанных с простому увеличению объёмов финансирования. Одна группа подходов нацелена на усиление адресности и дифференциации мер: предлагаются расширять использование «настроенных» критериев для отбора проектов, учитывающих размер хозяйства, технологический уровень, климатические риски и экологические показатели. Другая группа акцентов связана с цифровой трансформацией: единые информационные системы учёта субсидий и льготных кредитов, онлайн-кабинеты сельхозпроизводителей, геоинформационные сервисы по мелиорации и мониторингу посевов позволяют снизить транзакционные издержки и повысить прозрачность распределения средств.

При рассмотрении налогового стимулирования всё чаще поднимается вопрос о тонкой настройке ЕСХН и сопутствующих режимов, а не о радикальной реформе. Предметом анализа становятся лимиты по выручке, порядок взаимодействия с НДС, механизм подтверждения доли доходов от сельхоздеятельности, а также соотношение налоговых преференций для растениеводства и животноводства. Дискуссия затрагивает и более широкий контекст налоговой системы, включая предложения по изменению базовых ставок НДС, что может косвенно повлиять на аграриев и потребителей.

Общим направлением, объединяющим эти подходы, становится смещение фокуса с простого перечисления видов поддержки на оценку их совокупного эффекта для устойчивого развития сельских территорий,

продовольственной безопасности и качества жизни населения. Сложившаяся в России система государственной поддержки сельского хозяйства опирается на три взаимосвязанных блока: бюджетные субсидии, льготное кредитование и налоговые стимулы, закреплённые в Налоговом кодексе РФ, отраслевом законодательстве и госпрограммах развития АПК. Масштабы вовлечённых ресурсов значительны: только прямые бюджетные ассигнования на три ключевые госпрограммы в 2024 году достигли 665 млрд руб., субсидирование льготных кредитов обеспечило кредитный портфель свыше триллиона рублей, а совокупный эффект налоговых преференций выражается в заметном снижении нагрузки по прибыли, НДС и имущественным налогам для сельхозтоваропроизводителей [4].

Анализ действующих механизмов показывает, что при всех достигнутых результатах – росте инвестиций, модернизации материально-технической базы, поддержании экспортного потенциала – сохраняются структурные дисбалансы. К ним относятся неравномерное распределение помощи в пользу крупных компаний, сложность доступа к субсидиям и льготным кредитам для малых хозяйств, недостаточная ориентированность части инструментов на повышение эффективности и экологическую устойчивость, а также высокие транзакционные издержки администрирования льгот и субсидий [14].

Перспективы совершенствования механизмов поддержки связаны с институциональной настройкой каждого из блоков. Для субсидий ключевым направлением становится переход от компенсации затрат к поддержке результатов, в том числе в части производительности, устойчивости к климатическим рискам и качества сельской среды. Для льготного кредитования возрастает значение инструментов разделения рисков, гарантийных механизмов и адаптации требований к заёмщикам с учётом специфики малых форм хозяйствования. В налоговой сфере на первый план выходит задача сохранения предсказуемости и стабильности основных параметров ЕСХН и пониженных ставок, при одновременном упрощении процедур для небольших аграриев и снижении рисков «перекосов» между различными видами деятельности [12].

Дальнейшее развитие системы государственной поддержки сельского хозяйства невозможно без углублённого мониторинга её

совокупных эффектов. Требуется не только оценка объёмов освоенных средств и числа поддержанных проектов, но и систематическое измерение влияния поддержки на динамику доходов сельхозпроизводителей, инвестиционную активность, уровень технологического развития, состояние природных ресурсов и качество жизни населения сельских территорий. По мере накопления таких данных у органов государственной власти появится возможность более точной настройки субсидий, льготных кредитов и налоговых стимулов, а также формирования комплексной аграрной политики, сочетающей экономическую результативность с социальной и экологической ответственностью.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. действующая). Гл. 21, 25, 26.1. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 02.12.2025).
2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64984/ (дата обращения: 02.12.2025).
3. Госпрограмма развития сельского хозяйства продлена до 2025 года // РязаньАгро. – 2019. – 8 февр. – URL: <https://www.ryazagro.ru/news/12027/> (дата обращения: 02.12.2025).
4. В 2024 году на поддержку АПК была выделена рекордная сумма // Российская газета. – 2025. – 24 янв. – URL: <https://rg.ru/2025/01/24/v-2024-godu-na-podderzhku-apk-byla-vydelena-rekordnaia-summa.html> (дата обращения: 02.12.2025).
5. Заседание Правительства Российской Федерации 4 июля 2024 года: Национальный доклад о ходе реализации госпрограммы развития сельского хозяйства // Правительство РФ. – 2024. – 4 июля. – URL: <https://government.ru/news/52017/> (дата обращения: 02.12.2025).government.ru+1.
6. АПК получил более 1 трлн рублей в 2023 году // Агроинвестор. – 2024. – 5 июля. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42577-investitsii-v-osnovnoy-kapital-apk-v-2023-godu-prevysili-1-trln-rublej/> (дата обращения: 02.12.2025).
7. АПК получил более 1 трлн рублей в 2023 году: льготное кредитование и субсидии // Свое Фермерство. – 2024. – 8 июля. – URL:

<https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/news/apk-poluchil-bolee-1-trln-rublej-v-2023-godu> (дата обращения: 02.12.2025).

8. Господдержка сельского хозяйства РФ в 2025 году составит 507,4 млрд руб. – Минсельхоз // Спецагро. – 2025. – 24 янв. – URL: <https://specagro.ru/news/202501/gospodderzhka-selskogo-khozyaystva-rf-v-2025-godu-sostavit-5074-mld-rub-minselkhoz> (дата обращения: 02.12.2025).

9. Более 330 млрд руб. направлено в 2024 г. на льготное кредитование АПК России // Интерфакс. – 2024. – 26 дек. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/1000767> (дата обращения: 02.12.2025).

10. Минсельхоз Карелии подвёл итоги льготного кредитования агропромышленного комплекса в 2024 году // Официальный портал Республики Карелия. – 2025. – 13 февр. – URL: <https://gov.karelia.ru/news/13-02-2025-minselkhoz-karelii-podvel-itogi-lgtnogo-kreditovaniya-agropromyshlennogo-kompleksa-v-2024-godu/> (дата обращения: 02.12.2025).

11. Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН) // Федеральная налоговая служба. – URL:

<https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/es hn/> (дата обращения: 02.12.2025).

12. ЕСХН в налоговом кодексе: всё о спецрежиме // Контур.Экстерн. – 2024. – 20 февр. – URL: https://www.kontur-extern.ru/info/25213-nalogovyyj_kodeks_o_esxn (дата обращения: 02.12.2025).

13. Единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН): что это, кому подходит и как применять // РБК.Тренды. – 2024. – 18 окт. – URL: <https://www.rbc.ru/base/18/10/2024/67120d9d9a7947c05546654f> (дата обращения: 02.12.2025).

14. Какие налоговые льготы сохранились для сельхозпроизводителей // Моё дело. – 2025. – 11 нояб. – URL: <https://www.moedelo.org/club/article-knowledge/lgoty-dla-selhozproizvoditelej> (дата обращения: 02.12.2025).

15. Сельское хозяйство в России: тенденции развития, проблемы, сценарии // Делойт. Открытая аналитика. – 2025. – 3 окт. – URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/selskoe-khozyaystvo-v-rossii-tendentsii-razvitiya-problemy-stsenarii/> (дата обращения: 02.12.2025).

SHISHKINA Alyona Yurievna

Student, Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Ural State University of Economics,
Candidate of Pedagogical Sciences Tsibikov Victor Alexandrovich*

IMPROVING THE ACTIVITIES OF GOVERNMENT AGENCIES FOR THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURE

Abstract. The article examines the current directions of state policy in the field of agriculture in Russia, analyzes the regulatory framework, parameters of state support and statistics on the development of the agricultural sector for 2023-2024, and also formulates proposals to improve the effectiveness of government authorities at the federal and regional levels.

Keywords: public administration, agrarian policy, agriculture, rural areas, government programs, efficiency.

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 51 (286)

Часть III

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 30.12.2025 г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.
308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40